

ния к иерархической организации общества имеют громадное значение в процессе выработки основных жизненных жанров¹⁰.

Всякий знак, как мы знаем, строится между социально организованными людьми в процессе их взаимодействия. Поэтому *формы знака обусловлены прежде всего как социальной организацией данных людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия*. Изменяются эти формы — изменяется и знак. Проследить эту социальную жизнь словесного знака и должно быть одною из задач науки об идеологиях. Проблема *взаимоотношения знака и бытия* только при таком подходе может получить конкретное выражение, и только при этом условии процесс каузального определения знака бытием предстанет как процесс подлинного перехода бытия в знак, подлинного диалектического преломления бытия в знаке.

Для этого необходимо руководиться основным методологическим требованием:

1) *Нельзя отрывать идеологию от материальной действительности знака* (помещая ее в «сознание» или прочие зыбкие и неуловимые области).

2) *Нельзя отрывать знак от конкретных форм социального общения* (ибо знак — часть организованного социального общения и вне его вообще не существует, превращаясь в простую физическую вещь).

3) *Нельзя отрывать общения и его формы от их материального базиса*.

— I Реализуясь в процессе социального
[ЕМА. н К I общения, всякий идеологический знак, в том числе и словесный знак, определяется *социальным кругозором* данной эпохи и данной социальной группы. До сих пор мы говорили о форме знака, определяемой формами социального взаимодействия. Теперь мы касаемся другой стороны — *содержания знака* и того *ценностного акцента*, который сопровождает всякое содержание.

На каждом этапе развития общества существует особый и ограниченный круг предметов, доступных социальному вниманию, ценностно акцентированных этим вниманием. Только этот круг предметов обретет знаковое оформление, станет объектом знакового общения. Чем же определяется этот круг ценностно акцентированных предметов?

Для того чтобы предмет, к какому бы роду действительности он ни принадлежал, вошел в социальный кругозор группы и вызвал бы знаковую идеологическую реакцию, — необходимо, чтобы этот предмет был связан с существенными социально-экономическими предпосылками бытия данной группы, необходимо, чтобы он задел как-то, хотя бы и кра-

¹⁰ Проблема жизненных речевых жанров только в последнее время начинает обсуждаться в лингвистической и философской литературе. Одной из первых серьезных попыток подойти к этим жанрам, правда, без отчетливой социологической установки, является работа Leo Spitzer'a: «Italienische Umgangssprache» (1922). О нем. равно об его предшественниках и соратниках — в дальнейшем.

ем, основы материального существования данной группы.

Индивидуальный произвол при этом, конечно, никакого значения иметь не может. Ведь знак творится между индивидами, в социальной среде, поэтому необходимо, чтобы и предмет приобрел междуиндивидуальное значение, лишь тогда он может стать объектом знакового оформления. Другими словами, *только то может войти в мир идеологии, оформиться и упрочиться в нем, что приобрело общественную ценность.*

Поэтому-то все идеологические акценты, хотя они и производятся индивидуальным голосом (например, в слове) или вообще индивидуальным организмом, — являются *социальными акцентами*, претендующими на *социальную признанность*, и только ради этой признанности осуществленные во-вне, в идеологическом материале.

Условимся называть ту действительность, которая становится объектом знака, *темою* знака. Каждый законченный знак имеет свою тему. Так, каждое словесное выступление имеет свою тему¹¹.

Идеологическая тема всегда социально акцентуирована. Конечно, все эти социальные акценты идеологических тем проникают и в индивидуальное сознание, которое, как мы знаем, сплошь идеологично. Здесь они становятся как бы индивидуальными акцентами, так как индивидуальное сознание срастается с ними, как со своими, но источником их является не индивидуальное сознание. Акцент как такой *междуиндивидуален*. Животный крик как такая реакция на боль индивидуального организма лишен акцента. Это — чисто природное явление. Крик не рассчитан на социальную атмосферу, и потому в нем нет даже зачатков знакового оформления.

Тема идеологического знака и *форма* идеологического знака неразрывно связаны между собой и, конечно, различимы лишь в абстракции. Ведь в последнем счете одни и те же силы, одни и те же материальные предпосылки вызывают к жизни и ту, и другую.

В самом деле: одни и те же экономические условия приобщают новый элемент действительности к социальному кругозору, делают его социально значимым, «интересным», и они же, эти силы, создают формы идеологического общения (познавательного, художественного, религиозного и пр.), в свою очередь определяющие формы знакового выражения.

Таким образом, темы и формы идеологического творчества вырастают в одной и той же колыбели и, в сущности, являются двумя сторонами одного и того же.

Этот процесс вхождения действительности в идеологию, рождение темы и рождение формы — лучше всего проследить на материале слова. В языке этот процесс идеологического становления отразился как в своих больших, всемирно-исторических масштабах, изучаемых палеонтологией языковых значений, вскрывающей вхождение недифференцированных еще кусков действительности в социальный кругозор первобытных лю-

---

¹¹ В каком отношении находится тема к семантике отдельных слов мы будем подробнее выяснять в последующем.

дей, так и в маленьких масштабах, укладывающихся в рамки современности, ибо слово, как мы знаем, чутко отражает мельчайшие сдвиги социального бытия.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
И ДИАЛЕКТИКА ЗНАКА

1 Бытие, отраженное в знаке, не просто отражено, но *преломлено* в нем. Чем оп-
ределяется это преломление бытия в
идеологическом знаке?

— Скрещением разнонаправленных социальных интересов в пределах одного знакового коллектива, т.е. *классовой борьбой*.

Класс не совпадает со знаковым коллективом, т.е. с коллективом, употребляющим одни и те же знаки идеологического общения. Так, одним и тем же языком пользуются разные классы. Вследствие этого в *каждом идеологическом знаке скрещиваются разнонаправленные акцентуны*. Знак становится ареною классовой борьбы.

Эта социальная *многоакцентность* идеологического знака — очень важный момент в нем. Собственно только благодаря этому скрещению акцентов знак жив и подвижен, способен на развитие. Знак, изъятый из напряженной социальной борьбы, оказавшийся как бы по ту сторону борьбы классов, неизбежно захиреет, вырождается в аллегория, станет объектом филологического понимания, а не живого социального понимания. Таких умерших идеологических знаков, не способных быть ареною столкновения живых социальных акцентов, полна историческая память человечества. Но все же, поскольку о них помнят филолог и историк, они еще сохраняют последние проблески жизни.

Но именно то, что делает идеологический знак живым и изменчивым, то же самое делает его преломляющей и искажающей бытие средой. Господствующий класс стремится придать надклассовый вечный характер идеологическому знаку, погасить или загнать внутрь совершающуюся в нем борьбу социальных оценок, сделать его моноакцентным.

На самом же деле всякий живой идеологический знак двулик как Янус. Всякая живая брань может стать похвалою, всякая живая истина неизбежно должна звучать для многих других как величайшая ложь. Эта *внутренняя диалектичность знака* раскрывается до конца только в эпохи социальных кризисов и революционных сдвигов. В обычных условиях социальной жизни это заложенное в каждом идеологическом знаке противоречие не может до конца раскрыться, потому что идеологический знак в сложившейся господствующей идеологии всегда несколько реакционен и как бы старается стабилизировать предшествующий момент диалектического потока социального становления, акцентировать правду вчерашнего дня как сегодняшнюю правду. Этим определяется преломляющая и искажающая особенность идеологического знака в пределах господствующей идеологии.

1 Так разворачивается проблема отношения
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | базиса и надстроек. В нашу задачу входила
только конкретизация некоторых сторон ее и уяснение тех путей и на-

правлений, по которым должна идти продуктивная разработка этой проблемы. Нам важно было показать место философии языка в ее разработке. На материале словесного знака легче и полнее всего можно проследить непрерывность диалектического процесса изменения, идущего от базиса к надстройкам. Категория механической каузальности в объяснении идеологических явлений легче всего может быть преодолена на почве философии языка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЗАДАЧА ОБЪЕКТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХИКИ. ИДЕЯ ПОНИМАЮЩЕЙ И ИСТОЛКОВЫВАЮЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ (ДИЛЬТЕЙ). ЗНАКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПСИХИКИ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ. ПСИХОЛОГИЗМ И АНТИПСИХОЛОГИЗМ. ОСОБЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕГО ЗНАКА (ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ). ПРОБЛЕМА САМОНАБЛЮДЕНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПСИХИКИ. ИТОГИ.

— 1 у-^дной из основных и насущнейших
 ЗАДАЧА ОБЪЕКТИВНОГО ( ) задач марксизма является построение
 ОПРЕДЕЛЕНИЯ психики \ Ч^ние подлинно объективной психологии, однако не физиологической и не биологической, а *социологической*. В связи с этим перед марксизмом стоит трудная задача: найти объективный, но в то же время тонкий и гибкий подход к сознательной субъективной психике человека, подводомственной обычно методам самонаблюдения.

Ни биология, ни физиология с этой задачей справиться не могут: сознательная психика — факт социально-идеологический, недоступный ни физиологическим, ни каким-либо иным естественнонаучным методам. Свести субъективную психику к каким бы то ни было процессам, совершающимся в пределах замкнутого природного, животного организма, невозможно. Процессы, определяющие в основном содержание психики, совершаются не в организме, а вне его, хотя и при *участии* индивидуального организма.

Субъективная психика человека не есть объект естественнонаучного анализа, как вещь или процесс природы; субъективная психика есть объект идеологического понимания и понимающей социально-идеологической интерпретации. Понятый и истолкованный психический феномен поддается объяснению лишь социальными факторами, определяющими конкретную жизнь данного индивида в условиях социальной среды.¹²

¹² Популярный очерк современных проблем психологии был дан нами в нашей книге «Фрейдизм» (критический очерк), Ленотгиз, 1927 г. См. II главу «Два направления современной психологии».

Первая принципиальная задача, которая встает в этом направлении, — задача объективного определения «внутреннего опыта». Необходимо включить «внутренний опыт» в единство объективного внешнего опыта.

Какого рода действительность принадлежит субъективной психике?

— *Действительность внутренней психики — действительность знака.* Вне знакового материала нет психики. Есть физиологические процессы, процессы в нервной системе, — но нет субъективной психики как особого качества бытия, в корне отличного как от физиологических процессов, совершающихся в организме, так и от окружающей организм действительности, на которую психика реагирует и которую она так или иначе отражает. По роду своего бытия субъективная психика локализована как бы между организмом и внешним миром, как бы на *границе* этих двух сфер действительности. Здесь происходит встреча организма с внешним миром, но встреча не физическая: *организм и мир встречаются, здесь в знаке.* Психическое переживание является знаковым выражением соприкосновения организма с внешней средой. Поэтому-то *внутреннюю психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак.*

**ИДЕЯ ПОНИМАЮЩЕЙ И
ИСТОЛКОВЫВАЮЩЕЙ
ПСИХОЛОГИИ (ДИЛЬТЕЙ)**

Идея понимающей и интерпретирующей психологии очень стара и имеет поучительную историю. Характерно, что в новейшее время она нашла свое наиболее глубокое обоснование в связи с методологическими потребностями гуманитарных наук, т.е. наук об идеологиях.

Наиболее вдумчивым и принципиальным защитником этой идеи в ы/э-вое время был *Вильгельм Дильтей*. Для него субъективное психическое переживание не столько существовало, как существует вещь, сколько *значило*. Отвлекаясь от этого значения, пытаясь найти чистую действительность переживания, мы, на самом деле, по Дильтею, оказываемся перед физиологическим процессом в организме, переживание же мы теряем при этом из поля нашего зрения, подобно тому, как, отвлекаясь от значения слова, мы теряем самое слово, оказываясь перед голым физическим звуком и физиологическим процессом его произнесения. То, что делает слово словом, это — его значение. То, что делает переживание переживанием, это тоже — его значение. И нельзя отвлечься от него, не утрачивая самого существа внутренней психической жизни. Поэтому-то задачи психологии не могут быть задачами каузального объяснения переживаний, как если бы они были аналогичны физическим или физиологическим процессам. Задачей психологии является понимающее описание, расчленение и истолкование психической жизни, как если бы это был документ, подлежащий филологическому анализу. Только такая описательная и истолковывающая психология может, по Дильтею, служить основой гуманитарных наук, или «наук о духе», как он их называет¹³.

¹³ См. о нем на русском языке статью Фришеizen-Келера («Логос», 1912—1913 гг. Кн. 1-й).

Идеи Дильтея оказались очень плодотворными и продолжают до настоящего времени иметь много сторонников среди представителей гуманитарных наук. Можно сказать, что почти все современные немецкие гуманитаристы с философским уклоном находятся в большей или меньшей зависимости от идей Вильгельма Дильтея¹⁴.

Концепция Вильгельма Дильтея выросла на идеалистической почве, на этой же почве остаются и его последователи. Идея понимающей и интерпретирующей психологии очень тесно связана с идеалистическими предпосылками мышления и многим представляется специфически идеалистической идеей.

Действительно, в той форме, в которой интерпретирующая психология обосновывалась и развивалась до настоящего времени, она идеалистична и для диалектического материализма неприемлема.

Неприемлем прежде всего *методологический примат психологии над идеологией*. Ведь, согласно воззрениям Дильтея и других представителей интерпретирующей психологии, эта последняя должна быть основой гуманитарных наук. Идеология объясняется из психологии как ее выражение и воплощение, а не наоборот. Правда, между психикой и идеологией достигнуто сближение, для них найден общий знаменатель — значение, одинаково отличающее и ту, и другую от остальной действительности. Но тон в этом сближении задает психология, а не идеология.

Далее, в идеях Дильтея и других совершенно *не учтен социальный характер значения*.

Наконец, — и это *proton pseudos* всей их концепции — *не понята необходимая связь значения со знаком*, не понята специфическая природа знака.

В самом деле, сопоставление переживания и слова является для В. Дильтея простой аналогией, поясняющим образом, притом довольно редким в его произведениях. Он очень далек от того, чтобы сделать из этого сравнения надлежащие выводы. Более того, не психику объясняет он с помощью идеологического знака, а, как всякий идеалист, знак — с помощью психики: знак становится, по Дильтею, знаком лишь поскольку он служит выражением для внутренней жизни. Эта последняя наделяет знак присущим ей значением. Здесь построение В. Дильтея осуществляет общую для всего идеализма тенденцию: *изъять всякий смысл, всякое значение из материального мира и локализовать его в пребывающем вне-времени и вне-пространства духе*.

Зн к ая

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ психики

Если переживание имеет значение, а не только единичную действительность, а в

этом ^л ^{прав} ^{то} ^{очевидно} пере-
 живание неизбежно должно осуществляться на ^{знаковом} материале.
 Ведь значение может принадлежать только знаку, значение вне знака —

¹⁴ Об основополагающем влиянии Дильтея говорят: Оскар Вальцель, Вильгельм Гундольф, Эмиль Эрматингер и др. Мы называем, конечно, только крупнейших представителей гуманитарных наук современной Германии.

фикция. Значение является выражением отношения знака как единичной действительности к другой действительности, им замещаемой, представляемой, изображаемой. Значение есть функция языка, поэтому и невозможно представить себе значение (являющееся чистым отношением, функцией), существующим вне знака, как какую-то особую, самостоятельную вещь. Это так же нелепо, как считать значением слова «лошадь» вот эту данную живую лошадь. Ведь в таком случае можно было бы, например, съев яблоко, заявить, что я съел не яблоко, а значение слова «яблоко». Знак есть единичная материальная вещь, но значение не есть вещь и не может быть обособлено от знака как самостоятельная и помимо знака существующая реальность. Поэтому, если переживание имеет значение, если оно может быть понято и истолковано, то оно должно быть дано на материале действительного, реального знака.

Подчеркиваем, *переживание не только может быть выражено при помощи знака* (ведь можно выразить для других переживание в слове, в мимике лица или каким-либо иным путем), но помимо этого своего выражения во-вне (для других), — *переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале*. И вне этого материала переживания как такого вовсе нет. В этом смысле *всякое переживание выразительно*, т.е. является потенциальным выражением. Выразительна всякая мысль, всякая эмоция, всякое волевое движение. Этого момента выразительности нельзя отмыслить от переживания, не утрачивая самой природы его¹⁵.

Таким образом, между внутренним переживанием и его выражением нет скачка, нет перехода от одного качества действительности к другому качеству. Переход от переживания к его внешнему выражению совершается в пределах одного качества, является *количественным* переходом. Правда, часто в процессе внешнего выражения совершается переход от одного знакового материала (например, мимического) к другому (например, словесному), но весь процесс не выходит за пределы знакового материала.

Что же является знаковым материалом психики?

— Любое органическое движение или процесс: дыхание, кровообращение, телесное движение, артикуляция, внутренняя речь, мимическое движение, реакция на внешние, напр, световые раздражения и пр., и пр. Короче говоря, *все совершающееся в организме может стать материалом переживания, ибо все может приобрести знаковое значение, стать выразительным*.

Правда, материал этот далеко не равноценен. Для сколько-нибудь развитой, дифференцированной психики необходим тонкий и гибкий зна-

¹⁵ Идея выразительности всех явлений сознания не чужда неокантианству, кроме уже названной нами работы Кассирера, о выразительном характере сознания (сознание — как выразительное движение) писал покойный Hermann Cohen в третьей части своей системы (*Ästhetik des reinen Gefühls*). Однако здесь, из этой идеи, менее всего возможны правильные выводы. Сущность сознания остается все же по ту сторону бытия.

новый материал, притом такой, который мог бы оформляться, уточняться, дифференцироваться во вне-телесной социальной среде, в процессе внешнего выражения. Поэтому знаковым материалом психики по преимуществу является слово — *внутренняя речь*. Правда, внутренняя речь переплетена массой иных двигательных реакций, имеющих знаковое значение. Все же основой, костяком внутренней жизни является слово. Выключение слова до крайней степени снизило бы психику, выключение всех остальных выразительных движений вовсе бы ее погасило.

Если мы отвлечемся от знаковой функции внутренней речи и всех остальных выразительных движений, из которых складывается психика, то мы окажемся перед голым физиологическим процессом, протекающим в пределах индивидуального организма. Для физиолога такая абстракция совершенно правомерна и необходима: ему нужен только физиологический процесс и его механика.

Правда, и для физиолога как биолога важно учитывать выразительную знаковую функцию (*ergo* — социальную функцию) соответствующих физиологических процессов. Без этого он не поймет их биологического места в общей экономике организма. В этом отношении и биолог не может отказать от социологической точки зрения, не может учить того, что человеческий организм принадлежит не абстрактной природной среде, а входит в специфическую социальную среду. Но учтя знаковую функцию соответствующих физиологических процессов, физиолог в дальнейшем прослеживает их чисто физиологический механизм (например, механизм условного рефлекса) и совершенно отвлекается от их изменчивых, подчиненных своим социально-историческим законам, идеологических значений. Одним словом, содержание психики его не касается.

Но именно это содержание психики, взятое в отношении к индивидуальному организму, является объектом психологии. Никакого иного объекта у науки, достойной этого наименования, нет и не может быть.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ функций НАЛЬНОЙ психологии

— Существует утверждение, что содержание психики не есть объект психологии; каковым является лишь функция **этого** содержания в индивидуальной психике. Такова точка зрения так называемой «функциональной психологии»¹⁶.

Согласно учению этой школы, «переживание» состоит из двух моментов. Один момент — *содержание переживания*. Оно — *не психично*. Это или физическое явление, на которое направлено переживание (напр, предмет восприятия), или познавательное понятие, обладающее своей логической закономерностью, или этическая ценность и т.п. Эта содержательная, предметная сторона переживания принадлежит природе,

¹⁶ Важнейшие представители функциональной психологии: Штумпф, Мейнонг и др. Основы функциональной психологии были заложены Францем Brentano. В настоящее время функциональная психология является бесспорно господствующим направлением германской психологической мысли, правда, не в своей чистой классической форме.

культуре, истории и, следовательно, входит в компетенцию соответствующих научных дисциплин и не касается психолога.

Другой момент переживания — это функция *данного предметного содержания в замкнутом единстве индивидуальной психической жизни*. Вот эта-то *пережитость* или *переживаемость* всякого вне-психического содержания и является объектом психологии. Или, говоря иными словами, объектом функциональной психологии является не «что» переживания, а его «как». Так, например, содержание какого-нибудь мыслительного процесса, его «что», не психично и принадлежит компетенции логики, геолога или математика (если дело идет о математическом мышлении). Психолог же изучает лишь то, *как* осуществляется мышление данных объективных содержаний (логических, математических и иных) в условиях данной индивидуальной субъективной психики.

Мы не будем углубляться в детали этой психологической концепции, не будем касаться тех, иногда очень существенных, различий в понимании психической функции, какие существуют среди представителей этой школы и родственных ей психологических направлений. Для наших задач достаточен изложенный основной принцип функциональной психологии. Он позволит нам отчетливее выразить наше понимание психики и то значение философии знака (resp. философии языка), какое принадлежит ей при разрешении проблемы психологии.

И, функциональная психология выросла и сложилась на почве идеализма. Но в известном отношении она по своей тенденции является диаметрально противоположной интерпретирующей психологии дильтеевского типа.

В самом деле, если Дильтей стремился как бы привести психику и идеологию к одному знаменателю — значению, то функциональная психология стремится, наоборот, к проведению принципиальной и строжайшей *границы между психикой и идеологией*, границы, пролегающей как бы *внутри* самой психики. Все значимое оказывается в результате начисто выключенным из пределов психики, а все психическое оказывается сведенным лишь к чистому функционированию отдельных предметных содержаний в некоей индивидуальной конstellации их, называемой «индивидуальной душой». Если здесь говорить о примате, то в функциональной психологии, в отличие от интерпретирующей, примат принадлежит идеологии над психикой.

Спрашивается теперь, чем же является психическая функция, каков род ее бытия?

На этот вопрос мы не найдем отчетливого, удовлетворительного ответа у представителей функциональной психологии. В этом вопросе у них нет ясности, нет согласия и единства. Но в одном все же они все согласны: психическая функция отнюдь не является каким-либо физиологическим процессом. Психологическое, таким образом, отчетливо отграничивается от физиологического. Но какого рода действительность принадлежит этому новому качеству — психическому, — остается невыясненным.

Также неясным остается в функциональной психологии и вопрос о действительности идеологического явления.

Ясный ответ дается функционалистами лишь там, где переживание направлено на предмет природы. В этом случае психической функции противостоит природное, физическое бытие — это дерево, земля, камень и т.п.

Но в каком же виде противостоит психической функции идеологическое бытие — логическое понятие, этическая ценность, художественный образ и т.п.?

Большинство представителей функциональной психологии в этом вопросе придерживается общеидеалистических, главным образом кантианских воззрений¹⁷. Рядом с индивидуальной психикой и индивидуальным субъективным сознанием они допускают «трансцендентальное сознание», «сознание вообще», «чистый гносеологический субъект» и пр. В эту-то трансцендентальную среду они и помещают идеологическое явление, противостоящее индивидуальной психической функции¹⁸.

Таким образом, и проблема идеологической действительности на почве функциональной психологии остается неразрешенной.

Отсутствие понимания идеологического знака и специфического рода его бытия обуславливает, следовательно, и здесь и повсюду неразрешимость проблемы психического.

Проблема психического никогда не будет разрешена до тех пор, пока не будет разрешена проблема идеологического. Эти две проблемы неразрывно сплетены между собою. Вся история психологии и вся история наук об идеологиях (логики, теории познания, эстетики, гуманитарных наук и пр.) есть история непрестанной борьбы, взаиморазмежевания и взаимопоглощения между этими двумя познавательными дисциплинами.

Психологи и
АНТИПСИХОЛОГИЗМ

Существует как бы своеобразная периодическая смена стихийного психологического и затопляющего все науки об идеологиях, и резкого *антипсихологизма*, отымающего у психики всё ее содержание, сводящего ее к какому-то пустому, формальному месту (как в функциональной психологии) или к голому физиологизму. Идеология же, лишенная при последовательном антипсихологизме своего привычного места в бытии (именно в психике), оказывается вообще без места и принуждена уйти из действительности на трансцендентальные или даже прямо трансцендентные высоты.

В начале XX века мы как раз пережили резкую (но, конечно, далеко не первую в истории) волну антипсихологизма. Основополагающие тру-

¹⁷ В настоящее время на почве функциональной психологии стоят и феноменологи, связанные и в своей общефилософской концепции с Францем Брентано.

¹⁸ Феноменологи же *онтологизуют* идеологические смыслы, допуская самостоятельную сферу идеального бытия.

ды Гуссерля¹, главного представителя современного антипсихологизма, труды его последователей — *интенционалистов* («феноменологов»), резкий, антипсихологистический поворот представителей современного неокантианства Марбургской и Фрейбургской школы²⁰, изгнание психологизма из всех областей знания и даже из самой психологии (!) — все это является важнейшим философским и методологическим событием двух пережитых десятилетий нашего века.

В настоящее время волна антипсихологизма начинает спадать. На смену ему приходит новая и, по-видимому, очень мощная волна психологизма. Модная форма психологизма — *философия жизни*. Под фирмой «философии жизни» самый необузданный психологизм с необычайной быстротой снова захватывает все покинутые им столь недавно позиции во всех областях философии и в науке об идеологиях²¹.

Идущая волна психологизма не несет с собою никаких новых принципиальных обоснований психической действительности. Новейший психологизм в отличие от предшествующего (вторая половина XIX века), позитивно-эмпирического психологизма (типичнейший представитель его — Вундт), склонен толковать внутреннее бытие, «стихию переживаний» — *метафизически*.

В результате диалектической смены психологизма и антипсихологизма, таким образом, не появилось диалектического синтеза. Ни проблема психологии, ни проблема идеологии до сих пор не нашли должного решения в буржуазной философии.

ОСОБЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕГО ЗНАКА (ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ)

Обоснования обеих проблем должны быть одновременны и взаимосвязаны.

Мы полагаем, что один и тот же ключ

открывает объективный доступ в обе сферы. Этот ключ — *философия знака*, resp. философия слова как идеологического знака *par excellence*. Идеологический знак — общая территория как психики, так и идеологии, территория материальная, социологическая и значащая. На этой

¹⁹ См. I том «Логических исследований» (русс. пер., 1910), являющихся как бы библией современного антипсихологизма, а также его статью: «Философия как строгая наука» («Логос», 1911-1912 гг. Кн. 1).

²⁰ См., напр., очень поучительную работу Генриха Риккерта (главы Оренбургской школы) «Два пути теории познания» в сб. «Новые идеи в философии», вып. VII, 1913 г. В этой работе Риккерт под влиянием Гуссерля переводит на антипсихологистический язык свою, первоначально несколько психологистическую, концепцию теории познания. Статья очень характерна для отношения неокантианства к антипсихологистическому движению.

²¹ Общий обзор современной философии жизни, правда, тенденциозный и несколько устаревший, читатель найдет в книге Риккерта «Философия жизни» («Academia», 1921). Громадное влияние на гуманитарные дисциплины оказывает книга Spranger'a «Lebensformen». Под влиянием философии жизни в настоящее время в большей или меньшей степени находятся все крупнейшие германские представители литературоведения и науки о языке. Назовем: Эрматингер («Das dichterische Kunstwerk», 1921), Гундольф (книга о Гете и книга о Гёрге, 1916-1925 гг.), Гефеле («Das Wesen der Dichtung», 1923), Вальцель («Gehalt und Form ... im dichterischen Kunstwerk», 1923), Фосслер и фосслеряницы и многие др. О некоторых из перечисленных мы будем говорить позднее.

территории должно произойти и размежевание психологии и идеологии. Психика не должна быть дублетом остального мира (прежде всего идеологического) и остальной мир не должен быть простой материальной ре-маркой к психическому монологу.

Но если действительность психики есть знаковая действительность, то как провести все же границу между индивидуальной субъективной психикой и идеологией в точном смысле этого слова, являющейся также знаковой действительностью? Мы пока указали только общую территорию, необходимо теперь провести внутри этой территории соответствующую границу.

Сущность этого вопроса сводится к определению внутреннего (внутри-телесного) знака, доступного в своей прямой действительности самонаблюдению.

О точки зрения самого идеологического содержания, между психикой и идеологией нет и не может быть границ. Всякое, без исключения, идеологическое содержание, в каком бы знаковом материале оно ни было воплощено, может быть понято, следовательно, — психически усвоено, т.е. может быть воспроизведено на материале внутреннего знака. С другой стороны, всякое идеологическое явление в процессе своего создания проходит через психику как через необходимую инстанцию. Повторяем, всякий внешний идеологический знак, какого бы рода он ни был, со всех сторон омывается внутренними знаками — сознанием. Из этого моря внутренних знаков он рождается и в нем продолжает жить, ибо жизнь внешнего знака — в обновляющемся процессе его понимания, переживания, усвоения, т.е. во все новом и новом внедрении его во внутренний контекст.

Поэтому, с точки зрения содержания, между психикой и идеологией нет принципиальной границы, есть лишь различие в степенях: идеологема на стадии внутреннего развития, невоплощенная во внешнем идеологическом материале, — смутная идеологема; уясняться, дифференцироваться, закрепляться она может лишь в процессе идеологического воплощения. Замысел всегда меньше создания (даже неудачного). Мысль, существующая еще только в контексте моего сознания и не укрепленная в контексте науки как единой идеологической системы, — еще неясная и неготовая мысль. Но уже в контексте моего сознания эта мысль осуществляется с установкой на идеологическую систему и сама порождена впитанными мною ранее идеологическими знаками. Повторяем, принципиального качественного различия здесь нет. Познание в книгах и в чужих речах и познание в голове — принадлежит к одной сфере действительности, и различия, все же существующие между головой и книгой, не касаются содержания познания.

Наиболее затрудняет нашу проблему размежевания психики и идеологии — понятие «индивидуальный». Как коррелирует индивидуальному обычно мыслится «социальный». Отсюда: психика — индивидуальна, идеология — социальна.

Такого рода понимание является в корне ложным. Коррелятом социального является «природный», следовательно, вовсе не индивид как личность, а природная биологическая особь. Индивид как собственник содержаний своего сознания, как автор своих мыслей, как ответственная за свои мысли и желания личность, такой индивид является чистым социально-идеологическим явлением. Поэтому содержание «индивидуальной» психики по природе своей столь же социально, как и идеология, и самая степень сознания своей индивидуальности и ее внутренних прав — идеологична, исторична и всецело обуславливается социологическими факторами²². Всякий знак социален как такой, и внутренний знак не менее, чем внешний.

Во избежание недоразумений следует всегда строго различать между понятием единичной, не приобщенной социальному миру природной особи, как ее знает и изучает биолог, и понятием индивидуальности, которое уже является знаковой идеологической надстройкой над природной особью и потому социально. Эти два значения слова «индивидуальность» (природная особь и личность) обычно смешиваются, в результате чего в рассуждениях большинства философов и психологов постоянно имеет место *quaternio terminorum*: то имеется в виду одно понятие, то подставляется другое.

Если содержание индивидуальной психики так же социально, как и идеология, то с другой стороны и идеологические явления так же индивидуальны (в идеологическом смысле этого слова), как и психические. Каждый идеологический продукт носит печать индивидуальности своего создателя или создателей, но и эта печать такая же социальная, как и все остальные особенности и признаки идеологических явлений.

Итак, всякий знак, и даже знак индивидуальности — социален. В чем же различие внутреннего и внешнего знака, психики и идеологии?

— Осуществленное на материале внутреннего движения значение обращено к организму же, к данной особи, и прежде всего определяется в контексте ее единичной жизни. В этом отношении известная доля правды присуща воззрениям представителей функциональной школы. Игнорировать своеобразное единство психики в отличие от единства идеологических систем — недопустимо. Своеобразие психического единства совершенно совместимо с идеологическим и социологическим пониманием психики.

В самом деле, какая-нибудь познавательная мысль и в моем сознании, в моей психике осуществляется, как мы говорили, с установкой на идеологическую систему познания, в которой данная мысль и найдет свое место. Мысль моя, в этом смысле, с самого начала принадлежит идеологической системе и управляется ее закономерностью, — система моей психики. Единство этой системы определяется не только единством

²² В последней части нашей работы мы увидим, насколько относительно и идеологично понятие речевого, словесного авторства, «собственности на слово», и насколько поздно выбатывается в языке отчетливое ощущение индивидуальных необходимостей речи.

моего биологического организма, но и всю совокупностью жизненных и социальных условий, в которые этот организм поставлен. В направлении к этому органическому единству моей особи и к этим специфическим условиям моего <существования и будет изучать мою мысль психолог. Идеолога же эта мысль интересует лишь с точки зрения ее объективного вклада в систему познания.

Система психического, определяемая органическими и биографическими (в широком смысле) факторами, отнюдь не является только результатом «точки зрения» психолога. Нет, это реальное единство, как реально лежащая в ее основе биологическая особь с ее особой конституцией и как реально совокупность жизненных условий, определяющих жизнь этой особи. Чем теснее внутренний знак вплетен в единство этой психической системы, чем сильнее он определяется биологическим и биографическим моментом, тем дальше он от законченного идеологического выражения. Наоборот, по мере своего идеологического оформления и воплощения внутренний знак как бы освобождается от пут сковывающего его психического контекста.

Этим определяется и различие в процессах понимания внутреннего знака, т.е. переживания, и внешнего чисто идеологического знака. В первом случае *понять* значит отнести данный внутренний знак к единству других внутренних же знаков, воспринять его в контексте данной психики; во втором случае — воспринять данный знак в соответствующей идеологической системе. Правда, и в первом случае необходимо учитывать чисто идеологическое значение данного переживания: ведь не поняв, скажем, чисто познавательного смысла какой-либо мысли, психолог не сможет понять и ее места в контексте данной психики. Если он отвлечется от познавательного значения данной мысли, то перед ним уже будет не мысль, не знак, а голый физиологический процесс осуществления данной мысли, данного знака в организме. Поэтому-то психология познания должна опираться на теорию познания и на логику, и вообще психология должна опираться на науку об идеологиях, а не наоборот.

Следует сказать, что и всякое внешнее знаковое выражение, например высказывание, может строиться в двух направлениях: к субъекту и от него — к идеологии. В первом случае высказывание имеет целью выразить во внешних знаках внутренние знаки как такие и требует от слушающего отнесения их к внутреннему контексту, т.е. чисто психологического понимания. В другом случае требуется чисто идеологическое, объективно-предметное понимание данного высказывания²³.

²³ Следует отметить, что высказывания первого рода могут иметь двоякий характер: они могут сообщать о переживаниях («я испытываю радость») или могут их непосредственно выражать («ура!»). Возможны переходные формы («я рад!» — с сильной экспрессивной интонацией радости). Различение этих видов имеет громадное значение для психолога и для идеолога. Ведь в первом случае нет выражения переживания и, следовательно, нет актуализации внутреннего знака. Здесь выражается результат самонаблюдения (дается, так сказать, знак знака). Во втором случае самонаблюдение во внутреннем опыте прорывается наружу и становится объектом внешнего наблюдения (правда, прорываясь наружу, оно

Так совершается размежевание между психикой и идеологией²⁴.

**ПРОБЛЕМА
САМОНАБЛЮДЕНИЯ**

Как же дана психика, как даны внутренние знаки для нашего наблюдения и изучения?

— В своем чистом виде внутренний знак, т.е. переживание, дан лишь для самонаблюдения (интроспекции).

Нарушает ли самонаблюдение единство внешнего, объективного опыта? — При правильном понимании психики и самого самонаблюдения — нисколько не нарушает²⁵.

В самом деле, ведь объектом самонаблюдения является внутренний знак, который как таковой может быть и внешним знаком. Внутренняя речь могла бы и зазвучать. Результаты самонаблюдения в процессе самоуяснения непременно должны быть выражены во-вне или во всяком случае приближены к стадии внешнего выражения. Самонаблюдение как такое движется в направлении от внутреннего к внешнему знаку. Самому самонаблюдению принадлежит, таким образом, выразительный характер.

Самонаблюдение есть понимание собственного внутреннего знака. Этим оно и отличается от наблюдения физической вещи или какого-нибудь физического процесса. Переживания мы не видим и не ощущаем; мы его понимаем. Это значит, что в процессе самонаблюдения мы включаем его в какой-то контекст других понимаемых знаков. Знак освещается только с помощью другого знака.

Самонаблюдение является *пониманием* и потому неизбежно совершается в каком-нибудь определенном идеологическом направлении. Так, оно может совершаться в интересах психологии, и в таком случае оно понимает данное переживание в контексте других внутренних знаков в направлении к единству психической жизни.

В этом случае самонаблюдение освещает внутренние знаки с помощью познавательной системы психологических знаков, уясняет и дифференцирует переживание в направлении к точному психологическому отчету о нем. Такое задание дается, например, испытуемому во время психологического эксперимента. Высказывание испытуемого является психологическим отчетом или полуфабрикатом такого отчета.

Но самонаблюдение может идти и в другом направлении, тяготея к этической, нравственной самообъективации. Здесь внутренний знак вводится в систему этических оценок и норм, понимается и уясняется с их точки зрения.

Возможны и иные направления самонаблюдения как понимания. Но всегда и всюду самонаблюдение активно стремится к уяснению внутреннего знака, к доведению его до большей знаковой отчетливости. Своего

несколько видоизменяется). В третьем, переходном, случае результат самонаблюдения расширяется прорывающимся внутренним знаком (первичным знаком).

²⁴ Изложение наших воззрений на содержание психики как на идеологию было дано в уже указанной нашей книге «Фрейдизм». См. главу «Содержание психики как идеология».

²⁵ Такое нарушение имело бы место, если бы действительность психики была действительностью вещи, а не действительностью знака.

предела этот процесс достигает тогда, когда объект самонаблюдения становится вполне *понятным*, т.е. может стать объектом не самонаблюдения только но и обычного объективного идеологического наблюдения (знакового).

Таким образом, самонаблюдение как идеологическое понимание включается в единство объективного опыта. К этому нужно прибавить еще и следующее: в конкретном случае невозможно провести отчетливую границу между внутренними и внешними знаками, между внутренним самонаблюдением и внешним наблюдением, дающим непрерывный как *знаковый*, так и *реальный комментарий* к понимаемым внутренним знакам.

Реальный комментарий всегда наличен. Понимание всякого знака, как внешнего, так и внутреннего, совершается в неразрывной связи со всею *ситуацией осуществления данного знака*. Эта ситуация и при самонаблюдении дана как совокупность фактов внешнего опыта, комментирующего, освещающего данный внутренний знак. Эта ситуация всегда — *социальная ситуация*. Ориентация в своей душе (самонаблюдение) реально неотделима от ориентации в данной социальной ситуации переживания. Поэтому всякое углубление самонаблюдения возможно лишь в неразрывной связи с углублением понимания социальной ориентации. Полное отвлечение от этой последней также приводит к полному погашению переживания, как к этому же приводит и отвлечение от его знаковой природы. Как мы подробнее увидим в дальнейшем, *знак и его социальная ситуация неразрывно спаяны*. Знак не может быть отделен от социальной ситуации, не утрачивая своей знаковой природы.

СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПСИХИКИ ¹ Проблема внутреннего знака является одной из важнейших проблем философии языка. Ведь внутренним знаком по пре-

имуществу является слово, внутренняя речь. Проблема внутренней речи, как и все разбираемые в этой главе проблемы, — философская проблема. Она лежит на стыке психологии и проблем наук об идеологиях. Свое принципиальное методологическое решение она может получить только на почве философии языка как философии знака. Чем является слово в роли внутреннего знака? В какой форме осуществляется внутренняя речь? Как она связывается с социальной ситуацией? Как она относится к внешнему высказыванию? Какова методика обнаружения, так сказать, уловления внутренней речи? — Ответ на эти вопросы может дать лишь разработанная философия языка.

Возьмем хотя бы второй вопрос — в каких формах осуществляется внутренняя речь?

С самого начала ясно, что все без исключения категории, выработанные лингвистикой для анализа форм внешнего языка — речи (лексикологические, грамматические, фонетические), неприменимы к анализу форм внутренней речи, а если и применимы, то в какой-то очень существенной, коренной переработке.

При более внимательном анализе оказалось бы, что единицей внутренней речи являются некие целые, несколько напоминающие абзацы монологической речи, или целые высказывания. Но более всего они напоминают *реплики диалога*. Недаром внутренняя речь представлялась уже древнейшим мыслителям как *внутренний диалог*. Эти целые неразложимы на грамматические элементы (или разложимы лишь с большими оговорками), и между ними, как и между репликами диалога, нет грамматических связей, а господствуют связи иного рода. Эти единицы внутренней речи, как бы «*тотальные импрессиивысказываний*»²⁶, связаны друг с другом и сменяют друг друга не по законам грамматики или логики, а по законам ценностного (эмоционального) *соответствия, диалогического нанизывания* и т.п., в тесной зависимости от исторических условий социальной ситуации и всего прагматического хода жизни²⁷.

Только выяснение форм целых высказываний и, особенно, форм диалогической речи может пролить свет и на формы внутренней речи и на своеобразную логику их следования в потоке внутренней жизни.

Все намеченные нами проблемы внутренней речи, конечно, совершенно выходят за пределы нашей работы. Продуктивная разработка их в настоящее время вообще еще невозможна. Необходим громадный предварительный фактический материал и необходимо уяснение более элементарных и основных вопросов философии языка, в частности, например, проблемы высказывания.

ИТ^{отг}

Так, думается нам, может быть разрешена проблема взаиморазграничения психики и идеологии на единой объемлющей их территории идеологического знака.

Этим разрешением диалектически снимается и противоречие между психологизмом и антипсихологизмом.

Антипсихологизм прав, отказываясь выводить идеологию из психики. Более того, психику должно выводить из идеологии. Психология должна опираться на науку об идеологиях. Слово должно было сначала родиться и созреть в процессе социального общения организмов, чтобы затем войти в организм и стать внутренним словом.

Однако прав и психологизм. Нет внешнего знака без внутреннего знака. Внешний знак, неспособный войти в контекст внутренних знаков,

²⁶ Термин заимствуем у Гомперца («Weltanschauungslehre»). Впервые этот термин употребил, кажется, Отто Вейнингер. Тотальная импрессия — нерасчлененное еще впечатление от целого предмета, как бы аромат целого, предшествующий и лежащий в основе отчет/ивого узнания предмета. Так мы иногда не можем вспомнить какое-нибудь слово или имя, хотя оно у нас «вертится на языке», т.е. у нас уже есть тотальная импрессия этого имени или слова, но она не может развернуться в конкретный и дифференцированный образ его. Тотальные импрессиивысказываний, по Гомперцу, имеют большое значение в познании. Они являются психическими эквивалентами форм целого, придающих целому его единство.

²⁷ Общепринятое различение типов внутренней речи — зрительного, слухового и моторного — не касается приведенных нами соображений. Внутри каждого из типов речь протекает тотальными импрессиивысказываний — зрительными, слуховыми, моторными.

т.е. неспособный быть понятым и пережитым, перестает быть знаком, превращаясь в физическую вещь.

Идеологический знак жив своим психическим осуществлением так же, как и психическое переживание живо своим идеологическим наполнением. Психическое переживание — это внутреннее, становящееся внешним; идеологический знак — внешнее, становящееся внутренним. Психика в организме — экстерриториальна. Это — социальное, проникающее в организм особи. И все идеологическое — экстерриториально в социально-экономической области, ибо идеологический знак, находящийся вне организма, должен войти во внутренний мир, чтобы осуществить свое знаковое значение.

Между психикой и идеологией существует, таким образом, неразрывное диалектическое взаимодействие: *психика снимает себя, уничтожается, становясь идеологией, и идеология снимает себя, становясь психикой*, внутренний знак должен освободиться от своей поглощенности психическим контекстом (био-биографическим), перестать быть субъективным переживанием, чтобы стать идеологическим знаком; идеологический знак должен погрузиться в стихию внутренних субъективных знаков, звучать субъективными тонами, чтобы остаться живым знаком, а не попасть в почетное положение непонятой музейной реликвии.

Это диалектическое взаимодействие внутреннего и внешнего знака — психики и идеологии — неоднократно привлекало внимание мыслителей, однако не находило правильного понимания и адекватного выражения.

В последнее время наиболее глубокий и интересный анализ этого взаимодействия дал, ныне покойный, философ и социолог Георг Зиммель.

Зиммель воспринял это взаимодействие в характерной для современного буржуазного мышления форме — как «трагедию культуры», точнее, трагедию творящей культуру субъективной личности. Творящая личность, по Зиммелю, уничтожает себя, свою субъективность и «личностность» в ею же созданном объективном продукте. Рождение объективной культурной ценности обуславливается смертью субъективной души.

Мы не будем здесь входить в подробности зиммелевского анализа всей этой проблемы, анализа, содержащего немало тонких и интересных наблюдений²⁸. Отметим только основной недостаток концепции Зиммеля.

---

²⁸ В русском переводе имеются две работы Зиммеля, посвященные этому вопросу: «Трагедия культуры» («Логос», 1911—1912 г., кн. II — III) и вышедшая отдельной книжкой с предисловием проф. Святловского: «Конфликты современной культуры» («Начатки знаний», Петроград, 1923 г.). Его последняя книга, трактующая ту же проблему с точки зрения философии жизни: «Lebensanschauung», 1919 г. Та же идея является лейтмотивом книги Зиммеля о Гете, а отчасти также и его книг о Ницше, о Шопенгауэре и работ о Рембрандте и о Микеланджело (статья о Микеланджело имеется на русском языке, см. «Логос», 1911—1912 г., кн. I). Различные способы изживания этого конфликта между душой и ее творческой объективацией во внешнем продукте культуры Зиммель кладет в основу своей типологии творческих индивидуальностей.

Между психикой и идеологией — для Зиммеля — существует непреодолимый разрыв: он не знает знака как общей и для психики и для идеологии формы действительности. Кроме того, будучи социологом, он, тем не менее, совершенно недооценивает сплошной социальности как психической, так и идеологической действительности. Ведь и та, и другая действительность являются преломлением одного и того же социально-экономического бытия. В результате, живое диалектическое противоречие между психикой и бытием превращается для Зиммеля в инертную, неподвижную антиномию, в «трагедию». Эту неизбежную антиномию он тщетно пытается преодолеть с помощью метафизически окрашенной динамики жизненного процесса.

Только на почве материалистического монизма возможно диалектическое разрешение всех подобных противоречий. На иной почве приходится эти противоречия или игнорировать, закрывать на них глаза, или они превращаются в безысходную антиномию, в трагический тупик²⁹.

В слове, в каждом высказывании, как бы ничтожно оно ни было, всегда, снова и снова осуществляется этот живой диалектический синтез психического и идеологического, внутреннего и внешнего. В каждом речевом акте субъективное переживание уничтожается в объективном факте сказанного слова-высказывания, а сказанное слово субъективируется в акте ответного понимания, чтобы рано или поздно породить ответную реплику. Каждое слово, как мы уже знаем, является маленькою ареною скрещения и борьбы разнонаправленных социальных акцентов. Слово в устах единичной особи является продуктом живого взаимодействия социальных сил.

Так психика и идеология диалектически проникают друг друга в едином и объективном процессе социального общения.

---

²⁹ В русской философской литературе проблемы объективации субъективной психики в идеологических продуктах и возникающие отсюда противоречия и конфликты разрабатывал и разрабатывает Федор Степун (см. его работы в «Логосе», 1911—1912 г., кн. II — III и 1913 г., кн. II — IV). И у него эти проблемы даны в трагическом и даже мистическом освещении. Он не умеет развернуть их в плане объективной материальной действительности, где они только и могут найти продуктивное и трезвое диалектическое разрешение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

пути

МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ
ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОЙ ДАННОСТИ ЯЗЫКА. ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ПЕРВОГО НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТИВИЗМА). ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТИВИЗМА. ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ВТОРОГО НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (АБСТРАКТНОГО ОБЪЕКТИВИЗМА). ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ВТОРОГО НАПРАВЛЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АБСТРАКТНОГО ОБЪЕКТИВИЗМА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
РЕАЛЬНОЙ ДАННОСТИ ЯЗЫКА

Что же является предметом философии языка? Где нам его найти? Какова его конкретная материальная данность? Как методически подойти к ней?

В первой, ввводной, части нашей работы мы совершенно еще не касались этих конкретных вопросов. Мы говорили о философии языка, о философии слова. Но что такое язык, что такое слово?

Дело идет, конечно, не о сколько-нибудь законченном определении этих основных понятий. Такое определение может быть дано в конце, а не в начале работы (поскольку вообще научное определение может быть закончено). В начале исследовательского пути приходится строить не определение, а методологические указания: необходимо прежде всего нащупать реальный предмет — объект исследования, необходимо выделить из окружающей действительности и предварительно наметить его границы. В начале исследовательского пути ищет не столько мысль, строящая формулы и определения, сколько — глаза и руки, пытающиеся нащупать реальную наличность предмета.

Но вот в нашем-то случае глаза и руки оказываются в затруднительном положении: глаза ничего не видят, а руками нечего осязать. В лучшем положении, по-видимому, находится ухо, которое претендует слышать слово, слышать язык. И действительно, соблазны *поверхностного фонетического эмпиризма* очень сильны в науке о языке. Изучение

звуковой стороны слова занимает непропорционально большое место в лингвистике, часто задает ей тон и в большинстве случаев ведется вне всякой связи с действительным существом языка как идеологического знака¹.

Задача выделения действительного объекта философии языка — задача далеко не легкая. При всякой попытке ограничения объекта исследования, сведения его к определенному и обозримому, компактному предметно-материальному комплексу, мы теряем самое существо изучаемого предмета, знаковую и идеологическую природу его. Если мы выделим звук как чисто *акустический феномен*, то языка как специфического предмета у нас не будет. Звук всецело входит в компетенцию физики. Если мы прибавим физиологический *процесс производства звука* и процесс его звукового *восприятия*, то все же не приблизимся к своему объекту. Если мы присоединим *переживание* (внутренние знаки) говорящего и слушающего, мы получим два психофизических процесса, протекающих в двух разных психофизиологических субъектах, и один физический звуковой комплекс, осуществляющийся в природе по законам физики. Языка как специфического объекта все нет как нет. А между тем, мы уже захватили три сферы действительности — физическую, физиологическую, психологическую — и получили в достаточной мере сложный, многосоставный комплекс. Но этот комплекс лишен души, отдельные части его лежат рядом и не объединены никакой внутренней, проникающей его насквозь закономерностью, превращающей его именно в явление языка.

Что же необходимо прибавить к нашему, и без того уже сложному, комплексу?

Этот комплекс прежде всего необходимо включить в гораздо более широкий и объемлющий его комплекс, — в единую сферу организованного социального общения. Чтобы наблюдать процесс горения, нужно поместить тело в воздушную среду. Чтобы наблюдать явление языка, нужно поместить производящего и слушающего звук субъектов, равно как и самый звук, в социальную атмосферу. Ведь необходимо, чтобы и говорящий и слушающий принадлежали к одному языковому коллективу, к определенно организованному обществу. Необходимо далее, чтобы наши два индивида были обняты единством ближайшей социальной ситуации, т.е. чтобы они сошлись как человек с человеком на определенной почве. Только на определенной почве возможен словесный обмен, как бы ни была обща и, так сказать, окказиональна данная общая почва.

Итак, *единство социальной среды и единство ближайшего социального события общения* — совершенно необходимые условия для того,

¹ Это прежде всего касается экспериментальной фонетики, которая изучает в сущности не звук языка, а звук, производимый артикуляционными органами и воспринимаемый ухом совершенно независимо от места данного звука в системе языка и в конструкции высказывания. И в остальной фонетике громадные массы фактического материала, собранного с громадным и кропотливым трудом — нигде и никак методологически не локализованы.

чтобы указанный нами физико-психо-физиологический комплекс мог иметь отношение к языку, к речи, мог бы стать фактом языка-фечи. Два биологических организма в условиях чисто природной среды никакого речевого факта не породят.

Но в результате нашего анализа мы, вместо желанного ограничения объекта исследования, пришли к необычайному его расширению и усложнению.

Ведь организованная социальная среда, в которую мы включили наш комплекс, и ближайшая социальная ситуация общения сами по себе необычайно сложны, проникнуты многосторонними и многообразнейшими связями, между которыми не все одинаково необходимы для понимания языковых фактов, не все являются конститутивными моментами языка. Наконец, вся эта многообразная система явлений и отношений, процессов и вещей нуждается в приведении к одному знаменателю; все линии ее должны быть сведены к одному центру — фокусу языкового процесса.

Мы дали в предыдущем разделе экспозицию проблемы языка, т.е. развернули самую проблему и заключенные в ней трудности. Как же разрешалась эта проблема в философии языка и в общей лингвистике, какие вехи уже поставлены на пути ее разрешения, по которым можно было бы ориентироваться?

В нашу задачу не входит обстоятельный очерк истории или хотя бы только современного положения философии языка и общей лингвистики. Мы ограничимся здесь лишь общим анализом основных магистралей философской и лингвистической мысли нового времени².

В философии языка и в соответствующих методологических отделах общей лингвистики мы наблюдаем *два основных направления* в разрешении нашей проблемы, т.е. *проблемы выделения и ограничения языка как специфического объекта изучения*. Это влечет за собою, конечно, коренное различие данных двух направлений и по всем остальным вопросам науки о языке.

---

² Специальных работ по истории философии языка до сих пор нет. Основательные исследования существуют лишь по истории философии языка и лингвистики в древности, например: *Steinthal* «Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern» (1890). Для европейской истории существуют лишь монографии об отдельных мыслителях и лингвистах (о Гумбольдте, о Вундте, о Марти и пр.). Они будут указаны нами в своем месте. Единственный пока солидный очерк истории философии языка и лингвистики читатель найдет в книге *Ernst'a Cassirer'a*: «Philosophie der symbolischen Formen». Erster Teil: Die Sprache (1923). Kap. I: «Das Sprachproblem in der Geschichte der Philosophie» (S.55-121).

На русском языке краткий, но основательный очерк современного положения лингвистики и философии языка дан Р.Шор в статье: «Кризис современной лингвистики» («Яфетический сборник», V, 1927 г., стр.32-71). Общий обзор, далеко не полный, социологических работ по лингвистике дан в статье М.Н.Петерсона: «Язык как социальное явление» («Ученые записки Института языка и литературы») — Ранион, М., 1927, стр. 3-21).

Первое направление можно назвать *индивидуалистическим субъективизмом* в науке о языке, второе — *абстрактным объективизмом*³.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ПЕРВОГО
НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКО-
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО
СУБЪЕКТИВИЗМА)

Первое направление рассматривает как основу языка (в смысле всех без исключения языковых явлений) индивидуально-творческий акт речи. Индивидуальная психика является источником языка. Законы языкового творчества, — а язык есть непрерывное становление, непрерывное творчество, суть законы индивидуально-психологические, их-то и должен изучать лингвист и философ языка. Осветить языковое явление значит свести его к осмысленному (часто даже разумному) индивидуально-творческому акту. Все остальное в работе лингвиста имеет лишь предварительный, констатирующий, описательный, классифицирующий характер, только подготавливает подлинное объяснение языкового явления из индивидуально-творческого акта или служит практическим целям научения готовому языку. Язык с этой точки зрения аналогичен другим идеологическим явлениям, в особенности же искусству, эстетической деятельности.

Основная точка зрения на язык первого направления сводится, таким образом, к следующим четырем основоположениям:

- 1) язык: *есть деятельность, непрерывный творческий процесс созидания* (ενεργεια), *осуществляемый индивидуальными речевыми актами;*
- 2) *законы языкового творчества суть индивидуально-психологические законы;*
- 3) *творчество языка — осмысленное творчество, аналогичное художественному;*
- 4) *язык как готовый продукт* (εργον), *как устойчивая система языка* (словарь, грамматика, фонетика) *является как бы омертвевшим отложением, застывшей лавой языкового творчества, абстрактно конструируемый лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудью.*

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО
СУБЪЕКТИВИЗМА

Самым значительным представителем первого направления, заложившим его основы, был Вильгельм Гумбольдт⁴.

Влияние могучей гумбольдтовской мысли выходит далеко за пределы охарактеризованного нами направления. Можно сказать, что вся послегумбольдтовская лингвистика до наших дней находится под его определяющим влиянием. Вся гумбольдтовская мысль в ее целом не укладывается, конечно, в рамки выставленных нами

³ Оба названия, как и все такого рода названия, далеко не покрывают всей полноты и сложности обозначаемых направлений. Особенно, как мы увидим, не адекватно обозначение первого направления. Лучших названий мы, однако, не можем придумать.

⁴ Предшественниками его в этом направлении были Гамаи и Гердер.

четырёх основоположений, она шире, сложнее и противоречивее, поэтому Гумбольдт и мог сделаться наставником далеко расходящихся друг от друга направлений. Но все же основное ядро гумбольдтовских идей является наиболее сильным и глубоким выражением основных тенденций охарактеризованного нами первого направления⁵.

В русской лингвистической литературе важнейшим представителем первого направления является *А.А.Потебня* и круг его последователей⁶.

Последующие представители первого направления уже не возвышались до философского синтеза и глубины Гумбольдта. Направление значительно мельчало, особенно в связи с переходом на позитивистический и поверхностно-эмпиристический лад. Уже у *Штейнтала* нет гумбольдтовского размаха. На смену зато приходит большая методологическая четкость и систематичность. И для Штейнтала индивидуальная психика является источником языка, а законы языкового развития — психологическими законами⁷.

Чрезвычайно мельчают основоположения первого направления в эмпиристическом психологизме *Вундта* и его последователей⁸. Основоположение Вундта сводится к тому, что все без исключения факты языка поддаются объяснению с точки зрения индивидуальной психологии на волюнтаристической основе⁹. Правда, Вундт, так же как и Штейнталь, считает язык фактом «психологии народов» (*Völkerpsychologie*), или «этнической психологией»¹⁰. Однако, вундтовская психология народов

⁵ Свои идеи по философии языка Гумбольдт изложил в работе: «Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues» (Vorstudie zur Einleitung zum *Kawiwerk*); *Gesamm. Schriften* (Akademie-Ausgabe), Bd. VI. Есть очень старый русский перевод П.Биллярского: «О различии организмов человеческого языка» (1859 г.). О Гумбольдте имеется очень обширная литература. Назовем книгу Р.Гайма: «Вильгельм фон Гумбольдт», имеющуюся в русском переводе. Из более новых исследований назовем книгу Ed. Spranger'a «Wilhelm von Humboldt» (Berlin, 1909).

О Гумбольдте и его значении для русской лингвистической мысли читатель найдет в книге Б.М.Энгельгардта: «А.Н.Веселовский» (Пгр., 1922 г.). Недавно вышла очень острая и интересная книга Г.Шпета «Внутренняя форма слова (этюды и вариации на тему Гумбольдта)». Он пытается восстановить подлинного Гумбольдта из-под наслоений традиционного истолкования (есть несколько традиций истолкования Гумбольдта). Концепция Шпета, очень субъективная, лишней раз доказывает, насколько сложен и противоречив Гумбольдт; вариации вышли очень свободными.

⁶ Его основная философская работа: «Мысль и язык» (переиздана Укр. Ак. Наук). Последователи Потебни, так наз. «Харьковская школа» (Овсянико-Куликовский, Лезин, Харциев и др.), издавали неперIODическую серию: «Вопросы теории и психологии творчества», где имеются посмертные работы самого Потебни и статьи о нем его учеников. В основной книге Потебни имеется изложение идей Гумбольдта.

⁷ В основе штейнталевской концепции лежит психология Гербарта, пытающаяся построить все знание человеческой психики из элементов представлений, объединенных ассоциативными связями.

⁸ Связь с Гумбольдтом здесь уже очень слабая.

⁹ В основу психики волюнтаризм полагает волевой элемент.

¹⁰ Термин «этническая психология» предложил Г.Шпет в замену буквального перевода немецкого термина: «*Völkerpsychologie*» — «психология народов». Последний термин деист-

слагается из психик отдельных индивидов; для него всей полнотою реальности обладают только они.

Все его объяснения фактов языка, мифа, религии сводятся, в конце концов, к чисто психологическим объяснениям. Присущую всякому идеологическому знаку особую, чисто социологическую закономерность, не сводимую ни к каким индивидуально-психологическим законам, Вундт не знает.

В настоящее время первое направление философии языка, сбросив с себя путы позитивизма, снова достигло могучего расцвета и широты в понимании своих задач в школе Фосслера.

Школа Фосслера (так называемая «*idealistische Neuphilologie*») бесспорно является одним из могущественнейших направлений современной философско-лингвистической мысли. И положительный, специальный вклад ее последователей в лингвистику (в романистику и германистику) также чрезвычайно велик. Достаточно назвать, кроме самого Фосслера, таких его последователей, как *Leo Spitzer*, *Lorck*, *Lerch* и др. О каждом из них нам придется неоднократно говорить.

Общая философско-лингвистическая концепция Фосслера и его школы вполне характеризуется выставленными нами четырьмя положениями первого направления. Школу Фосслера прежде всего определяет решительный и принципиальный *отказ от лингвистического позитивизма*, не видящего ничего дальше языковой формы (преимущественно фонетической как наиболее «позитивной») и элементарного психофизиологического акта ее порождения¹¹. В связи с этим на первый план выдвигается *осмысленно-идеологический* момент в языке. Основным двигателем языкового творчества является «языковым вкус» — особая разновидность художественного вкуса. Языковой вкус — это и есть та лингвистическая истина, которой жив язык и которую должен вскрыть лингвист в каждом явлении языка, чтобы действительно понять и объяснить данное явление.

«Притязать на научный характер может только та история языка, — говорит Фосслер, — которая рассматривает весь прагматический причинный ряд лишь с целью найти в нем особый эстетический ряд, так, чтобы лингвистическая мысль, лингвистическая истина, лингвистический вкус, лингвистическое чувство или, как говорит Гумбольдт, внутренняя форма языка в своих физических, психических, политических, экономических и вообще культурно обусловленных изменениях стала ясной и понятной»¹².

вительно совершенно неудовлетворителен, и обозначение Г.Шпета представляется нам весьма удачным. См. Г.Шпет: «Введение в этническую психологию» (Гос. Акад. Худ. Наук, М., 1927 г.). В книге дана основательная критика концепции Вундта, но собственное построение Г.Шпета совершенно неприемлемо.

¹¹ Критике лингвистического позитивизма посвящена первая основополагающая философская работа Фосслера: «*Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*» (Heidelberg, 1904).

¹² «Грамматика и история языка» — «Логос», книга I, 1910 г., стр. 170.

Таким образом, как мы видим, все факторы, определяющие какое-нибудь языковое явление (физические, политические, экономические и др.), по Фосслеру, не имеют прямого значения для лингвиста, ему важен лишь художественный смысл данного языкового явления.

Такова чисто эстетическая концепция языка у Фосслера. «Идея языка, — говорит он, — по существу есть поэтическая идея, истина языка есть художественная истина, есть осмысленная красота»¹³.

Вполне понятно, что не готовая система языка в смысле совокупности унаследованных наличных фонетических, грамматических и иных форм, а *индивидуальный творческий акт* речи (Sprache als Rede) будет для Фосслера основным явлением, основной реальностью языка. Отсюда следует, что в каждом речевом акте с точки зрения становления языка важны не те грамматические формы, которые общи, устойчивы и наличны во всех других высказываниях данного языка, а важна индивидуальная, лишь для данного высказывания характерная, стилистическая конкретизация и модификация этих абстрактных форм.

Только эта стилистическая индивидуация языка в конкретном высказывании исторична и творчески продуктивна. Именно здесь происходит становление языка, отлагающееся затем в грамматических формах: *всё, что становится грамматическим фактом, было раньше фактом стилистическим*. К этому сводится фосслерианская идея *примата стилистики над грамматикой*¹⁴. Большинство лингвистических исследований, вышедших из школы Фосслера, лежат на границе лингвистики (в узком смысле) и стилистики. В каждой форме языка фосслерианцы последовательно стараются вскрыть ее осмысленно-идеологические корни.

Таковы в основном философско-лингвистические воззрения Фосслера и его школы¹⁵.

Из современных представителей первого направления философии языка следует еще назвать итальянского философа и литературоведа Бе-

¹³ «Грамматика и история языка», стр. 167.

¹⁴ К критике этой идеи мы вернемся в последующем.

¹⁵ Основные философско-лингвистические работы Фосслера, вышедшие после уже названной нами книги его, собраны в «Philosophie der Sprache» (1926). Это — последняя книга Фосслера. Она дает полное представление об его философской и общелингвистической концепции. Из лингвистических работ, характерных для фосслеровского метода, укажем его «Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung» (1913). Полную библиографию Фосслера (до 1922 г.) читатель найдет в посвященном ему сборнике: «Festschrift für K.Vossler» (1922). На русском языке имеются две статьи: уже цитированная нами статья и «Отношение истории языков к истории литературы» («Логос», 1912—1913 г., книга I—II). Обе статьи дают понятие об основах фосслеровской концепции. В русской лингвистической литературе воззрения Фосслера и его последователей совершенно не подвергались обсуждению. Некоторые указания даны лишь в статье В.М.Жирмунского о современном немецком литературоведении («Поэтика», сб. III, 1927 г., «Acasclémia»). В указывавшемся нами очерке Р.Шор о школе Фосслера упоминается лишь в примечании. О работах последователей Фосслера, имеющих философское и методологическое значение, мы скажем в своем месте.

недетто Кроне, ввиду его большого влияния на современную философско-лингвистическую литературоведческую мысль Европы.

Идеи Бенедетто Кроче во многих отношениях близки к фоссеровским. И для него язык является эстетическим феноменом. Основной, ключевой термин его концепции — *выражение* (экспрессия). Всякое выражение в основе своей художественно. Отсюда лингвистика как наука о выражении *rag excellence* (каковым является слово) совпадает с эстетикой. Отсюда следует, что и для Кроче индивидуальный речевой акт выражения является основным феноменом языка¹⁶.

**ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ВТОРОГО
НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКО-
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(АБСТРАКТНОГО ОБЪЕКТИВИЗМА)**

Переходим к характеристике второго направления философско-лингвистической мысли.

Организуемый центр всех языковых явлений, делая их специфическим объектом особой науки о языке, перемещается для второго направления в совершенно иной момент, — *в языковую систему как систему фонетических, грамматических и лексических форм языка*.

Если для первого направления язык — это вечно текущий поток речевых актов, в котором ничто не остается устойчивым и тождественным себе, то для второго направления язык — это та неподвижная радуга, которая высится над потоком.

Если для первого направления язык — это вечно текущий поток речевых актов, в котором ничто не остается устойчивым и тождественным себе, то для второго направления язык — это та неподвижная радуга, которая высится над потоком.

Каждый индивидуальный творческий акт, каждое высказывание — индивидуально и неповторимо, но в каждом высказывании есть элементы, тождественные с элементами других высказываний данной речевой группы. Именно эти, *тождественные* и потому *нормативные* для всех высказываний моменты — фонетические, грамматические, лексические — и обеспечивают единство данного языка и его понимания всеми членами данного коллектива.

Если мы возьмем какой-нибудь звук языка, например фонему «а» в слове «радуга», то этот звук, производимый произносительным физиологическим аппаратом индивидуального организма, индивидуален и неповторим у каждой говорящей особи. Сколько людей, произносящих слово «радуга», столько своеобразных «а» в этом слове (пусть ухо наше и не хочет и не может улавливать это своеобразие). Ведь физиологический звук (т.е. звук, произведенный индивидуальным физиологическим аппаратом) в конце концов так же неповторим, как неповторим дактилоскопический отпечаток пальца данной особи, как неповторим индивидуальный химический состав крови каждого индивида (хотя наука до сих пор и не может еще дать индивидуальной формулы крови).

Однако существенны ли с точки зрения языка все эти индивидуальные особенности звука «а», обусловленные, скажем, неповторимой фор-

¹⁶ На русском языке имеется первая часть эстетики Б.Кроне: «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», М., 1920. Уже в пределах этой переведенной части излагаются общие воззрения Кроче на язык и на лингвистику.

мой языка, неба и зубов говорящих индивидов (допустим, что мы были бы в силах уловить и зафиксировать все эти особенности)? — Конечно, совершенно несущественны. Существенна именно *нормативная тождественность* данного звука во всех случаях произнесения слова «радуга». Именно эта нормативная тождественность (ведь фактической тождественности нет) конституирует единство фонетической системы языка (в разрезе данного мгновения его жизни) и обеспечивает понимание данного слова всеми членами языкового коллектива. Эта нормативно тождественная фонема «а» и является языковым фактом, — специфическим объектом науки о языке.

То же самое справедливо и относительно всех других элементов языка. И здесь мы всюду встретим ту же нормативную тождественность языковой формы (напр., какого-нибудь синтаксического шаблона) и индивидуально-неповторимое осуществление и наполнение данной формы в единичном речевом акте. Первый момент входит в систему языка; второй — является фактом индивидуальных процессов говорения, обусловленных случайными (с точки зрения языка как единой системы) физиологическими, субъективно-психологическими и иными, не поддающимися точному учету, факторами.

Ясно, что система языка в выше охарактеризованном смысле является совершенно независимой от каких бы то ни было индивидуально-творческих актов, намерений и мотивов. С точки зрения второго направления не может быть уже речи об осмысленном творчестве языка говорящим индивидом¹⁷. Язык противостоит индивиду как ненарушимая, непререкаемая норма, которую с точки зрения индивида можно только принять. Если же индивид не воспринимает какую-либо языковую форму как непререкаемую норму, то она и не существует для него как форма языка, а просто как естественная возможность его индивидуального психофизического аппарата. Индивид получает систему языка от говорящего коллектива совершенно готовой, и всякое изменение внутри этой системы лежит за пределами его индивидуального сознания. Индивидуальный акт произнесения каких-либо звуков становится языковым актом лишь в меру своей приобщенности к неизменной для каждого данного момента и непререкаемой для индивида языковой системе.

Какова же закономерность, господствующая внутри языковой системы?

Эта закономерность чисто *имманентная* и *специфическая*, не сводимая ни к какой идеологической закономерности, художественной или иной. Все формы языка в разрезе данного момента — т.е. *синхронически* — взаимно необходимы друг для друга, друг друга дополняют, превращая язык в стройную систему, проникнутую специфическою языковой закономерностью. Специфическая *лингвистическая закономерность*, в отличие от *идеологической закономерности* — познания, ху-

---

¹⁷ Хотя, как мы увидим, на почве рационализма охарактеризованные нами основы второго направления философско-лингвистической мысли совмещались с идеей искусственно созданного разумного универсального языка.

дожественного творчества, этоса, — *не может стать мотивом индивидуального сознания*. Эту систему индивиду нужно принять и усвоить всю, как она есть, внутри нее нет места для каких-либо оценивающих идеологических различий: хуже, лучше, красиво, безобразно и т.п. В сущности имеется лишь один языковой критерий: правильно — неправильно, причем под *языковой правильностью* понимается только *соответствие данной формы нормативной системе языка*. Ни о каком языковом вкусе, ни о какой лингвистической истине говорить, следовательно, не приходится. С точки зрения индивида, лингвистическая закономерность произвольна, т.е. лишена какой бы то ни было естественной и идеологической (например, художественной) понятности и мотивированности. Так, между фонетическим обликом слова и его значением нет никакой естественной связи, нет и художественного соответствия (correspondence).

Если язык как система форм независим от каких бы то ни было творческих импульсов и деяний индивида, то, следовательно, он является продуктом коллективного творчества, — он социален и потому, как всякое социальное учреждение, нормативен для каждого отдельного индивида.

Однако система языка, являющаяся единой и неизменной в размере каждого данного момента, т.е. синхронически, изменяется, становится в процессе исторического становления данного говорящего коллектива. Ведь установленная нами нормативная тождественность фонемы различна для различных эпох развития данного языка. Одним словом, язык имеет свою историю. Как же может быть понята эта история с точки зрения второго направления?

Для второго направления философско-лингвистической мысли в высшей степени характерен своеобразный *разрыв между историей и системой языка* в ее внеисторическом, синхроническом (для данного момента) разрезе. С точки зрения основоположений второго направления этот дуалистический разрыв совершенно непреодолим. Между логикой, управляющей системой языковых форм в данный момент, и логикой (или, вернее, алогикой) исторического изменения этих форм не может быть ничего общего. Это две разных логики; или, если мы признаем логикой одну из них, то алогикой, т.е. голым нарушением принятой логики, будет другая.

В самом деле, лингвистические формы, составляющие систему языка, как мы знаем, взаимно необходимы и взаимно дополняют друг друга подобно членам одной и той же математической формулы. Изменение одного члена системы создает новую систему, как изменение одного из членов формулы создает новую формулу. Та связь и закономерность, которая управляет отношениями между членами данной формулы, конечно, не распространяется и не может распространяться на отношения данной системы или формулы к другой, следующей за ней, системе или формуле.

Здесь можно употребить грубую аналогию, тем не менее достаточно точно выражающую отношение второго направления философско-лингвистической мысли к истории языка. Уподобим систему языка формуле для решения бинома Ньютона. Внутри этой формулы господствует строгая закономерность, подчиняющая себе и делающая неизменным каждый ее член. Допустим, что ученик, употребляющий формулу, переврал ее (например, перепутал показатели и знаки), получилась новая формула со своей внутренней закономерностью (формула эта для решения бинома, конечно, непригодна, но для нашей аналогии это неважно). Между первой и второй формулой нет уже никакой математической связи, аналогичной той, которая господствует внутри каждой формулы.

Совершенно так же обстоит дело и в языке. Систематические отношения, связывающие две языковых формы в системе языка (в разрезе данного момента) ничего общего не имеют с теми отношениями, которые связывают одну из этих форм с ее видоизмененным обликом в последующий момент исторического становления языка. Германец до XVI века спрягал: *ich was*; *wir waren*. Современный немец спрягает *ich war*; *wir waren*. «*Ich was*» изменилось, таким образом, в «*ich war*». Между формами «*ich was*» — «*wir waren*» и «*ich war*» — «*wir waren*» существует систематическая лингвистическая связь и взаимодополнение. Они связаны и дополняют друг друга, в частности, как единственное и множественное число первого лица в спряжении одного и того же глагола. Между «*ich was*» — «*ich war*» и между «*ich war*» (современность) и «*wir waren*» (XV—XVI вв.) существует иное, совершенно особое отношение, ничего общего с первым, систематическим, не имеющее. Форма «*ich war*» образовалась по аналогии с «*wir waren*»: вместо «*ich was*» под влиянием «*wir waren*» стали говорить (отдельные индивиды) «*ich war*»¹⁸. Явление стало массовым, и в результате индивидуальная ошибка превратилась в языковую норму.

Таким образом, между двумя рядами:

I. *ich was* — *wir waren* (в синхроническом разрезе, скажем, XV века) или — «*ich war* — *wir waren*» (в синхроническом разрезе, скажем, XIX века) и

II. *ich was* — *ich war*

wir waren (в качестве фактора, обуславливающего аналогию) существуют глубочайшие принципиальные различия. Первый — синхронический — ряд управляется систематической языковой связью взаимно необходимых и взаимно дополняющих друг друга элементов. Этот ряд противостоит индивиду как непрерываемая языковая норма. Второй ряд — исторический (или *диахронический*) — управляется своей особой закономерностью, строго говоря, закономерностью ошибки по аналогии.

Логика истории языка — логика индивидуальных ошибок или отклонений, переход от «*ich was*» к «*ich war*» совершается за пределами инди-

¹⁸ Англичанин до сих пор говорит: «*I was*».

видуального сознания. Переход произволен и не замечается, и лишь постольку он может осуществиться. В каждую данную эпоху может существовать лишь одна языковая норма: или «ich was», или «ich wag». Рядом с нормой может существовать лишь ее нарушение, но не другая, противоречащая норма (поэтому-то и не может быть языковых «трагедий»). Если нарушение не ощущается и, следовательно, не исправляется, и если есть почва, благоприятствующая тому, что данное нарушение становится массовым фактом — в нашем случае такой благоприятной почвой является аналогия, — то такое нарушение становится новой языковой нормой.

Итак, между логикой языка как системы форм и логикой его исторического становления нет никакой связи, нет ничего общего. В обеих сферах господствуют совершенно разные закономерности, разные факторы. То, что осмысливает и объединяет язык в его синхроническом разрезе, нарушается и игнорируется в разрезе диахроническом. *Настоящее языка и история языка не понимают и не способны понять друг друга.*

Мы замечаем здесь, в этом именно пункте, глубочайшее различие между первым и вторым направлением философии языка. Ведь для первого направления сущность языка и раскрывалась именно в его истории. Логика языка — это вовсе не логика повторения нормативно тождественной формы, а вечное обновление, индивидуализация этой формы стилистически неповторимым высказыванием. *Действительность языка и есть его становление.* Между данным моментом жизни языка и его историей господствует полное взаимопонимание. И там, и здесь господствуют одни и те же идеологические мотивы: говоря языком Фосслера — *языковый вкус творит единство языка в разрезе данного момента; он же творит и обеспечивает единство исторического становления языка.* Переход от одной исторической формы к другой совершается, в основном, в пределах индивидуального сознания, ибо, как мы знаем, по Фосслеру, каждая грамматическая форма была первоначально свободной стилистической формой.

Различие между первым и вторым направлением очень ярко иллюстрируется следующим: себетождественные формы, образующие неподвижную систему языка (εργον), были для первого направления только омертвевшим отложением действительного языкового становления — истинной сущности языка, осуществляемого неповторимым индиви дуально-творческим актом. Для второго направления как раз эта система себетождественных форм становится сущностью языка; индивидуально-творческое же преломление и варьирование языковых форм являются для него только шлаками языковой жизни, вернее, языковой монументальной недвижимости, лишь неуловимыми и ненужными обертонами основного неизменного тона языковых форм.

Основная точка зрения второго направления может быть, в общем, сведена к следующим основоположениям:

1) *Язык есть устойчивая неизменная система нормативно тождественных языковых форм, преднаходимая индивидуальным сознанием и непререкаемая для него.*

2) *Законы языка суть специфические лингвистические законы связи между языковыми знаками внутри данной замкнутой языковой системы.* Эти законы объективны по отношению ко всякому субъективному сознанию.

У) *Специфические языковые связи не имеют ничего общего с идеологическими ценностями (художественными, познавательными и иными).* Никакие идеологические мотивы не обосновывают явления языка. Между словом и его значением нет ни естественной и понятной связи, ни художественной связи.

4) *Индивидуальные акты говорения являются, с точки зрения языка, лишь случайными преломлениями и вариациями или просто искажениями нормативно тождественных форм;* но именно эти акты индивидуального говорения объясняют историческую изменчивость языковых форм, которая как такая, с точки зрения системы языка, иррациональна и бессмысленна. *Между системой языка и его историей нет ни связи, ни общности мотивов. Они чужды друг другу.*

Читатель усматривает, что сформулированные нами четыре основоположения второго направления философско-лингвистической мысли являются антитезисами соответствующих четырех основоположений первого направления.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ВТОРОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Исторические пути второго направления проследить гораздо труднее. Здесь, на заре нашего времени, не было представителя и основоположника, по масштабу равного В.Гумбольдту. Корни направления нужно искать в рационализме XVII и XVIII века. Эти корни уходят в картезианскую почву¹⁹.

Свое первое и очень отчетливое выражение идеи второго направления получили у Лейбница в его концепции универсальной грамматики.

Для всего рационализма характерна идея *условности, произвольности языка* и не менее характерно *сопоставление системы языка с системой математических знаков*. Не отношение знака к отражаемой им реальной действительности или к порождающему его индивиду, а *отношение знака к знаку внутри замкнутой системы*, однажды принятой и допущенной, интересует математически направленный ум рационалистов. Другими словами, их интересует только *внутренняя логика самой системы знаков*, взятой как в алгебре, совершенно независимо от

¹⁹Р. Глубокая внутренняя связь второго направления с картезианским мышлением и с общим мировоззрением неоклассицизма с его культом отрешенной, рациональной и неподвижной формы — не подлежит сомнению. У самого Декарта нет работ по философии языка, но имеются характерные высказывания в письмах. О них см. указанную главу работы Кассирера. стр. 67-68.

наполняющих знаки идеологических значений. Рационалисты еще склонны учитывать точку зрения понимающего, но менее всего — говорящего, как выражающего свою внутреннюю жизнь субъекта. Ведь менее всего математический знак можно истолковать как выражение индивидуальной психики, — а математический знак был для рационалистов идеалом всякого знака, в том числе и языкового. Все это и нашло свое яркое выражение в лейбницевской идее универсальной грамматики²⁰.

Следует здесь же отметить, что примат точки зрения понимающего над точкой зрения говорящего остается постоянною особенностью второго направления. Отсюда, на почве этого направления, нет подхода к проблеме выражения, а следовательно, и к проблеме становления мысли и субъективной психики в слове (одна из основных проблем первого направления).

В более упрощенной форме идея языка как системы условных произвольных знаков, в своей основе рациональных, разрабатывалась в XVIII веке представителями эпохи просвещения.

Рожденные на французской почве, идеи абстрактного объективизма и до настоящего времени господствуют по преимуществу во Франции²¹. Минувшие промежуточные этапы развития, перейдем прямо к характеристике современного положения второго направления.

1 Наиболее ярким выражением абстрактного объективизма в настоящее время является так называемая «Женевская школа»

Фердинанда де Соссюра (ныне уже давно умершего). Представители этой школы, особенно Шарль Балли (Bally), являются крупнейшими лингвистами современности. Ф. де Соссюр придавал всем идеям второго направления поразительную ясность и отчетливость. Его формулировки основных понятий лингвистики могут считаться классическими. Кроме того, Соссюр безбоязненно доводил свои мысли до конца, придавая исключительную четкость и резкость всем основным линиям абстрактного объективизма.

Насколько школа Фосслера не популярна в России, настолько популярна и влиятельна у нас школа Соссюра. Можно сказать, что большинство представителей нашей лингвистической мысли находятся под определяющим влиянием Соссюра и его учеников — Балли и Сеше (Secheyave)²².

²⁰ С соответствующими взглядами Лейбниц можно познакомиться по основательнейшей книге Кассирера: «Leihniz'system in seinen wissenschaftlichen Grundlagen» (Marburg, 1902).

²¹ Интересно отметить, что в отличие от второго, первое направление по преимуществу развивалось и развивается на немецкой почве.

²² В духе «Женевской школы» поставлена работа Р.Шор: «Язык и общество» (М., 1926). Горячим апологетом основных идей Соссюра Шор выступает и в уже указанной нами статье: «Кризис современной лингвистики». Последователем «Женевской школы» является В.В.Виноградов. Две русских лингвистических школы: школа Фортунатова и так называемая «Казанская школа» (Крушевский и Бодуэн де Куртене), являющиеся ярким выражением лингвистического формализма, всецело укладываются в рамки очерченного нами второго направления философско-лингвистической мысли.

На характеристике взглядов Соссюра, ввиду их основополагающего значения для всего второго направления и для русской лингвистической мысли, мы остановимся несколько подробнее. Правда, и здесь мы ограничимся лишь основными философско-лингвистическими положениями Соссюра²³.

Соссюр исходит из различения трех аспектов языка: *языка-речи* (langage); *языка как системы форм* (langue) и «индивидуального речевого акта — *высказывания* (parole). Язык (в смысле системы форм) и высказывание (parole) являются составными элементами языка-речи, понятием в смысле совокупности всех без исключения явлений — физических, физиологических и психологических, — участвующих в осуществлении речевой деятельности.

Речь (langage) не может быть, по Соссюру, объектом лингвистики. Она, взятая сама по себе, лишена внутреннего единства и самостоятельной автономной законности. Она — композитна, гетерогенна. В ее противоречивом составе трудно разобраться. Невозможно, оставаясь на ее почве, дать отчетливое определение языковому факту. Речь не может быть исходным пунктом лингвистического анализа.

Какой же правильный методологический путь для выделения специфического объекта лингвистики предлагает избрать Соссюр? Предоставим слово ему самому:

«Мы думаем, — говорит²⁴ он, — что есть лишь одно разрешение всех этих противоречий (имеются в виду противоречия внутри "langage" как исходного пункта анализа — В.В.): с самого начала нужно встать на почву языка (langue) и принять его за норму всех других явлений речи (langage). В самом деле, среди стольких противоречий и двойственностей язык один кажется способным к автономному определению, и он один дает для мышления достаточную точку опоры»²⁴.

В чем же, по Соссюру, принципиальное различие между речью (langage) и языком (langue)?

«Взятая в ее целом, речь многообразна и гетероклитна. Относясь к нескольким областям, будучи одновременно явлением физическим, физиологическим и психическим, речь принадлежит еще области индивидуальной и области социальной; она не дает себя классифицировать ни по

---

²³ Основная теоретическая работа Соссюра, изданная после его смерти учениками: *Ferdinand de Saussure «Cours de Linguistique Générale»* (1916). В дальнейшем цитируем по второму изданию 1922 г. Приходится удивляться, что книга Соссюра, при ее большом влиянии, до сих пор не переведена на русский язык. Краткое изложение воззрений Соссюра можно найти в указанной статье Шор и в статье Петерсона: «Общая лингвистика», «Печ. и Рев.», 1923, кн. 6.

²⁴ Il n'y a, selon nous, qu'une solution à toutes ces difficultés: il faut se placer de prime abord sur le terrain de la langue et la prendre pour norme de tout les autres manifestations du langage. En effet, parmi tant de dualités, la langue seule paraît être susceptible d'une définition autonome et fournit un point d'appui satisfaisant pour l'esprit (de Saussure, *Cours de Linguistique Générale*, p. 24). Курсив Соссюра.

какой определенной категории гуманитарных явлений, ибо неизвестно, как найти ее единство.

Язык, наоборот, есть и целое в себе, и принцип классификации. Как только мы дадим ему первое место среди явлений речи, мы внесем естественный строй и порядок в конгломерат, не поддающийся никакой иной классификации»²⁵.

Таким образом, по Соссюру, необходимо исходить из языка как системы нормативно тождественных форм и освещать все явления речи в направлении к этим устойчивым и автономным (самозаконным), формам.

Отличив язык от речи в смысле совокупности всех без исключения проявлений речевой способности, Соссюр переходит далее к отличению его от актов индивидуального говорения, т.е. от высказывания (*parole*).

«Отличая язык от высказывания (*parole*), мы, тем самым отличаем: 1) то, что социально, от того, что индивидуально; 2) то, что существенно, от того, что побочно и более или менее случайно.

Язык не является деятельностью говорящей личности, он — продукт, который личность пассивно регистрирует; язык никогда не допускает преднамеренности, и субъективная рефлексия имеет место лишь в целях различения и классификации, о чем речь впереди.

Высказывание, напротив, индивидуальный акт воли и мышления, в котором мы можем различить: 1) сочетания, посредством которых говорящая личность утилизирует систему языка для выражения своих индивидуальных мыслей; 2) психофизический механизм, позволяющий высказывать эти сочетания»²⁶.

Высказывание не может быть объектом лингвистики, как ее понимает Соссюр²⁷. Лингвистическим элементом в высказывании являются лишь

²⁵ «Pris dans son tout, le langage est multiforme et hétéroclite; à cheval sur plusieurs domaines, à la fois physique, physiologique et psychique, il appartient encore au domaine individuel et au domaine social; il ne se laisse classer dans aucune catégorie des faits humains, parce qu'on ne sait comment dégager son unité.

La langue, au contraire, est un tout en soi et un principe de classification. Dès que nous lui donnons la première place parmi les faits de langage; nous introduisons un ordre naturel dans un ensemble qui ne se prête à aucune autre classification» (op. cit. p. 25).

²⁶ «En séparant la langue de la parole, on sépare du même coup: 1° ce qui est social de ce qui est individuel; 2° ce qui est essentiel de ce qui est accessoire et plus ou moins accidentai.

La langue n'est pas fonction du sujet parlant, elle est produite par l'individu enregistre passivement; elle ne suppose jamais de préméditation et la réflexion n'y intervient que pour l'activité de classement dont il sera question.

La parole est au contraire un acte individuel de volonté et d'intelligence, dans lequel il convient de distinguer: 1° les combinaisons par lesquelles le sujet parlant utilise le code de la langue en vue d'exprimer sa pensée personnelle; 2° le mécanisme psycho-physique lui permet d'extérioriser ces combinaisons» (op. cit. p. 30.).

²⁷ Соссюр, правда, допускает возможность особой лингвистики высказывания («linguistique de la parole»), но какой она может быть, об этом Соссюр молчит. Вот что он говорит по этому поводу: «Il faut choisir entre deux routes qu'il est impossible de prendre en même temps; elles doivent être suivies séparément. On peut à la rigueur conserver le nom de linguistique de la parole. Mais il ne faudra pas la confondre avec la linguistique proprement dite, celle dont la langue est l'unique objet» (op. cit. p.39).

наличные в нем нормативно тождественные формы языка. Все остальное — «побочно и случайно».

Подчеркнем основной тезис Соссюра: язык *противостоит высказыванию, как социальное — индивидуальному*. Высказывание, таким образом, сплошь индивидуально. В этом, как мы увидим дальше, — прогон *pseudos* Соссюра и всего направления абстрактного объективизма.

Индивидуальный акт говорения — высказывания, столь решительно оставленный за бортом лингвистики, возвращается, однако, как необходимый фактор в истории языка²⁸. Эта последняя, в духе всего второго направления, резко противопоставляется Соссюром языку как синхронической системе. В истории господствует «высказывание» с его индивидуальностью и случайностью, поэтому ею правит совершенно иная закономерность, чем та, которая правит системой языка.

«Потому-то, — говорит Соссюр, — синхронический "феномен" ничего не имеет общего с диахроническим. . . . . *Синхроническая лингвистика* должна исследовать логические и психологические отношения, связующие элементы, которые существуют и образуют систему, так, как они существуют для одного и того же социального сознания.

Диахроническая лингвистика, наоборот, должна изучать отношения между элементами, следующими друг за другом и не существующими одновременно для одного и того же социального сознания; эти элементы замещают друг друга во времени и не образуют между собой никакой системы»²⁹.

Воззрения Соссюра на историю чрезвычайно характерны для того духа рационализма, который до настоящего времени господствует во втором направлении философско-лингвистической мысли и для которого история — иррациональная стихия, искажающая логическую чистоту языковой системы.

Соссюр и его школа — не единственная вершина абстрактного объективизма в наше время. Рядом с ней возвышается другая — социологическая школа Дюркгейма, представленная в лингвистике такой фигурой, как Мейе (Meillet). Мы не будем останавливаться на характеристике его воззрений³⁰. Они всецело укладываются в рамки выставленных основоположений второго направления. И для Мейе язык является социальным

²⁸ Соссюр говорит: «*tout ce qui est diachronique dans la langue ne l'es/ que par la parole. C'est dans la parole que se trouve le germe de tout les changements*» (p.138).

²⁹ «C'est ainsi que le "phénomène" synchronique n'a rien de commun avec le diachronique... (p.129). *La linguistique synchronique* s'occupera des rapports logiques et psychologiques reliant de termes coexistants et formant système, tels qu'ils sont aperçus par la même conscience collective.

La linguistique diachronique étudiera au contraire les rapports reliant de termes successifs non aperçus par une même conscience collective, et qui se substituent les uns aux autres sans former système entre eux» (op. cit. p. 140). Курсив Соссюра.

³⁰ Взгляды Мейе в связи с основами социологического метода Дюркгейма излагает в указанной нами статье («Язык как социальное явление») М.Н.Петерсон. Там же и библиография.

явлением не в своем качестве процесса, а как устойчивая система языковых норм. Внешность языка по отношению к каждому индивидуальному сознанию и его принудительность являются, по Мейе, основными социальными характеристиками языка.

Таковы воззрения второго направления философско-лингвистической мысли — абстрактного объективизма.

В рамках изложенных нами двух направлений не уместятся, конечно, многие школы и течения лингвистической мысли, иногда очень значительные. В нашу задачу входило лишь проведение основных магистралей. Все остальные явления философско-лингвистической мысли носят, по отношению к двум разобранным направлениям, смешанный или компромиссный характер или вообще лишены всякой сколько-нибудь принципиальной ориентации.

Возьмем такое крупное явление лингвистики второй половины XIX века, каким было движение- *младограмматиков*. Младограмматики в части своих основоположений связаны с первым направлением, стремясь к его нижнему — физиологическому пределу. Индивид, творящий язык, для них в основном — физиологическая особь. С другой стороны, младограмматики на психо-физиологической почве пытались построить незыблемые естественнонаучные законы языка, совершенно изъятые из какого бы то ни было индивидуального произвола говорящих.

Отсюда младограмматическая идея звуковых законов (*Lautgesetze*)³¹.

В лингвистике, как и во всякой частной науке, существуют два основных способа избавиться себя от обязанности и труда ответственного и принципиального, следовательно, философского мышления. Первый путь — принять сразу все принципиальные точки зрения (академический эклектизм), второй — не принять ни одной принципиальной точки зрения и провозгласить «факт» как последнюю основу и критерий всякого познания (академический позитивизм).

Философский эффект обоих способов избавиться от философии — один и тот же, ибо и при второй точке зрения в оболочке «факта» проникают в исследование все без исключения возможные принципиальные точки зрения. Выбор одного из этих способов всецело зависит от темперамента исследователя: эклектики — более благодушны, позитивисты — ворчливы.

В лингвистике очень много явлений и целых школ (школ — в смысле научной технической выучки), избавляющих себя от труда философско-лингвистической ориентации. Они, конечно, не вошли в пределы настоящего очерка.

О некоторых лингвистах и философах языка, не упомянутых здесь, например об Отто Дитрихе и Антоне Марти, нам придется упоминать в

³¹ Основными работами младограмматического направления являются: *Osthoff*, «Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung» (Berlin, 1879). Программа младограмматиков изложена в предисловии к книге: *Osthoff und Brugmann*. «Morphologische Untersuchungen», I, Lpz., 1878.

дальнейшем при анализе проблемы речевого взаимодействия и проблемы значения.

ВКЛЮЧЕНИЕ

В начале главы мы поставили *проблему выделения и ограничения языка как специфического объекта исследования*. Мы попытались обнаружить те вехи, которые уже поставлены по пути разрешения этой проблемы предшествующими направлениями философско-лингвистической мысли. В результате мы оказались перед двумя рядами вех, идущих в прямо противоположных направлениях: перед *тезисами индивидуалистического субъективизма и антитезисами абстрактного объективизма*.

Что же является истинным центром языковой действительности: индивидуальный речевой акт — высказывание — или система языка? И какова форма бытия языковой действительности: непрерывное творческое становление или неподвижная неизменность себестождественных норм?

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ЯЗЫК, РЕЧЬ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

ОБЪЕКТИВЕН ЛИ ЯЗЫК КАК СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ СЕБЕСТОЖДЕСТВЕННЫХ ФОРМ? ЯЗЫК КАК СИСТЕМА НОРМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО СОЗНАНИЯ. КАКАЯ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ? ПРОБЛЕМА ЧУЖОГО, ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА. ОШИБКИ АБСТРАКТНОГО ОБЪЕКТИВИЗМА. ИТОГИ.

ОБЪЕКТИВЕН ЛИ ЯЗЫК КАК СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ СЕБЕСТОЖДЕСТВЕННЫХ ФОРМ?

В предшествующей главе мы поставили задачу дать совершенно объективное изображение двух направлений философско-лингвистической мысли. Теперь мы должны подвергнуть их основательному критическому анализу. Только после этого мы сможем ответить на поставленный в конце предыдущей главы вопрос.

Начнем с критики второго направления — абстрактного объективизма.

Прежде всего поставим вопрос: в какой степени система языковых себестождественных норм, т.е. система языка, как ее понимают представители второго направления, — реальна?

Никто из представителей абстрактного объективизма не приписывает, конечно, системе языка материальной, вещной реальности. Она, правда, выражена в материальных вещах — знаках, но, как система нормативно тождественных форм, она реальна лишь в качестве социальной нормы.

Представители второго направления постоянно подчеркивают — и это является одним из их основоположений, — что система языка является внешним для *всякого* индивидуального сознания объективным фактом, от этого сознания независимым. Но ведь как система себестождественных

неизменных норм она является таковой лишь для индивидуального сознания и с точки зрения этого сознания.

В самом деле, если мы отвлечемся от субъективного индивидуального сознания, противостоящего языку как системе непререкаемых для него норм, если мы взглянем на язык действительно объективно, так сказать, со стороны, или, точнее, стоя над языком, — то никакой неподвижной системы себестождественных норм мы не найдем. Наоборот, мы окажемся перед непрерывным становлением норм языка.

С действительно объективной точки зрения, пытающейся взглянуть на язык совершенно независимо от того, как он является данному языковому индивиду в данный момент, язык представляется непрерывным потоком становления. Для стоящей над языком объективной точки зрения — нет реального момента, в разрезе которого она могла бы построить синхроническую систему языка.

Синхроническая система, таким образом, с объективной точки зрения, не соответствует ни одному реальному моменту процесса исторического становления. И действительно, для историка языка, стоящего на диахронической точке зрения, синхроническая система не реальна и служит лишь условным масштабом для регистрирования отклонений, совершающихся в каждый реальный момент времени.

Итак, синхроническая система языка существует лишь с точки зрения субъективного сознания говорящего индивида, принадлежащего к данной языковой группе в любой момент исторического времени. С объективной точки зрения она не существует ни в один реальный момент исторического времени. Мы можем допустить, что для Цезаря, пишущего свои творения, латинский язык являлся неизменной, непререкаемой системой себестождественных норм, но для историка латинского языка — в тот же самый момент, когда работал Цезарь, шел непрерывный процесс языковых изменений (пусть историк и не может их зафиксировать).

В аналогичном положении находится всякая система социальных норм. Она существует лишь в отношении к субъективному сознанию индивидов, принадлежащих к данному, управляемому нормами коллективу. Такова система моральных норм, правовых, норм эстетического вкуса (ведь есть такие) и т.п. Конечно, эти нормы различны: различна степень их обязательности, различна ширина их социального диапазона, различна степень их социальной существенности, определяемая близостью к базису, и т.д. Но род их бытия как норм один и тот же, — они существуют лишь в отношении к субъективным сознаниям членов данного коллектива.

Следует ли отсюда, что самое это отношение субъективного сознания к языку как системе объективных непререкаемых норм лишено всякой объективности? Конечно, нет. Правильно понятое, это отношение может быть объективным фактом.

Если мы скажем: язык как система непререкаемых и неизменных норм существует объективно, — мы совершим грубую ошибку. Но если мы скажем, что язык в отношении к индивидуальному сознанию является

системою непререкаемых и неизменных норм, что таков *modus* существования языка для каждого члена данного языкового коллектива, — то мы выразим этим совершенно объективное отношение. Другой вопрос, правильно ли установлен самый факт, действительно ли для сознания говорящего язык является лишь как неизменная и неподвижная система норм? Этот вопрос мы пока оставляем открытым. Но дело, во всяком случае, идет об установлении некоторого объективного отношения.

Как же смотрят на дело сами представители абстрактного объективизма? Утверждают ли они, что язык есть система объективных и непререкаемых себестождественных норм, или же они дают себе отчет в том, что таков лишь *modus* существования языка для субъективного сознания говорящих на данном языке?

На этот вопрос приходится ответить следующим образом.

Большинство представителей абстрактного объективизма склонны утверждать *непосредственную реальность, непосредственную объективность языка как системы нормативно тождественных форм*. У этих представителей второго направления абстрактный объективизм прямо превращается в *гипостазирующий абстрактный объективизм*. Другие представители того же направления (как Мейе) более критичны и дают себе отчет в абстрактном и условном характере языковой системы. Однако никто из представителей абстрактного объективизма не пришел к ясному и отчетливому пониманию того рода деятельности, которая присуща языку как объективной системе. В большинстве случаев эти представители балансируют между двумя пониманиями слова «объективный» в применении к системе языка: между пониманием его, так сказать, в кавычках (с точки зрения субъективного сознания говорящего) и пониманием его без кавычек (с объективной точки зрения). Так поступает, между прочим, и Соссюр; отчетливого разрешения вопроса он не дает.

**Язык КАК СИСТЕМА НОРМ и
ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ
ГОВОРЯЩЕЮ СОЗНАНИЯ**

Но теперь мы должны спросить, действительно ли язык существует для субъективного сознания говорящего как объективная система непререкаемых нормативно тождественных форм, правильно ли понял абстрактный объективизм точку зрения субъективного сознания говорящего? Или иначе: таков ли действительно *modus* бытия языка в субъективном речевом сознании?

На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка — продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях самого непосредственного говорения.

На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка — продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях самого непосредственного говорения.

В самом деле, ведь установка говорящего совершается в направлении к данному конкретному высказыванию, которое он произносит. Дело идет для него о применении нормативно тождественной формы (допус-

тим пока ее наличность) в данном конкретном контексте. Центр тяжести для него лежит не в тождественности формы, а в том новом и конкретном значении, которое она получает в данном контексте. Для говорящего важна не та сторона формы, которая одна и та же во всех без исключения случаях ее применения, каковы бы эти случаи ни были. Нет, для говорящего важна та сторона языковой формы, благодаря которой она может фигурировать в данном конкретном контексте, благодаря которой она становится адекватным знаком в условиях данной конкретной ситуации.

Выразим это так: *для говорящего языковая форма важна не как устойчивый и всегда себе равный сигнал, а как всегда изменчивый и гибкий знак*. Такова точка зрения говорящего.

Но ведь говорящий должен учитывать и точку зрения слушающего и понимающего. Может быть именно здесь вступает в силу нормативная тождественность языковой формы?

И это не совсем так. Основная задача понимания отнюдь не сводится к моменту узнания примененной говорящим языковой формы как знакомой, как «той же самой» формы, как мы отчетливо узнаем, например, еще не достаточно привычный сигнал, или как мы узнаем форму мало знакомого языка. Нет, задача понимания в основном сводится не к узнаванию примененной формы, а именно к пониманию ее в данном конкретном контексте, к пониманию ее значения в данном высказывании, т.е. к пониманию ее новизны, а не к узнанию ее тождественности.

Другими словами, и понимающий, принадлежащий к тому же языковому коллективу, установлен на данную языковую форму не как на неподвижный, себестождественный сигнал, а как на изменчивый и гибкий знак.

Процесс понимания ни в коем случае нельзя путать с процессом узнания. Они — глубоко различны. Понимается только знак, узнается же — сигнал. Сигнал — внутренне неподвижная, единичная вещь, которая на самом деле ничего не замещает, ничего не отражает и не преломляет, а просто является техническим средством указания на тот или иной предмет (определенный и неподвижный) или на то или иное действие (также определенное и неподвижное!)³². Сигнал ни в коем случае не относится к области идеологического, сигнал относится к миру технических вещей, к орудиям производства в широком смысле слова. Еще дальше от идеологии отстоят те сигналы, с которыми имеет дело рефлексология. Эти сигналы не имеют никакого отношения к производственной технике, взятые в отношении к организму испытуемого животного, т.е. как сигналы для него. В этом качестве своем они являются не сигналами, а раздражителями особого рода; орудиями производства они являются лишь в человеческих руках экспериментатора. Только печальное недоразумение

³² Интересные и остроумные различения сигнала и комбинации сигналов (например, в морском деле) и языковой формы и комбинации языковых форм в связи с проблемой ежтаксиса дает Karl Bühler в своей статье «Vom Wesen der Syntax» в «Festschrift für Karl Vossler». S. 61-69.

и неискоренимые навыки механического мышления были причиной того, что эти «сигналы» пытались сделать чуть ли не ключом к пониманию языка и человеческой психики (внутреннего слова).

Пока какая-нибудь языковая форма является только сигналом и как такой сигнал узнается понимающим, она отнюдь не является для него языковой формой. Чистой сигнальности нет даже и в начальных фазах научения языку. И здесь форма ориентирована в контексте, и здесь она является знаком, хотя момент сигнальности и коррелятивный ему момент узнания наличны.

Таким образом, конститутивным моментом для языковой формы как для знака является вовсе не ее сигнальная себестожденность, а ее специфическая изменчивость, и для понимания языковой формы конститутивным моментом является не узнание «того же самого», а понимание в собственном смысле слова, т.е. ориентация в данном контексте и в данной ситуации, ориентация в становлении, а не «ориентация» в каком-то неподвижном пребывании³³.

Из всего этого, конечно, не следует, что момента сигнализации и коррелятивного момента узнания нет в языке. Он есть, но он не конститутивен для языка как такого. Он диалектически снят, поглощен новым качеством знака (т.е. языка как такого). Сигнал — узнание диалектически сняты в родном языке, т.е. именно для языкового сознания члена данного языкового коллектива. В процессе усвоения чужого языка сигнальность и узнание еще, так сказать, ощущаются, еще не преодолены, язык еще не стал до конца языком. Идеал усвоения языка — поглощение сигнальности чистой знаковой, узнания — чистым пониманием³⁴.

Языковое сознание говорящего и слушающего — понимающего, таким образом, практически в живой речевой работе имеет дело вовсе не с абстрактной системой нормативно тождественных форм языка, а с языком-речью, в смысле совокупности возможных контекстов употребления данной языковой формы. Слово противостоит говорящему на родном языке

---

³³ Мы увидим дальше, что именно такое понимание в собственном смысле, понимание становления, лежит в основе ответа, т.е. в основе речевого взаимодействия. Между пониманием и ответом вообще нельзя провести резкой границы. Всякое понимание отвечает, т.е. переводит понимаемое в новый контекст, в возможный контекст ответа.

³⁴ Выставленное нами положение практически, но без правильного теоретического осознания лежит в основе всех здоровых методов обучения живому иностранному языку. Ведь сущность этих методов сводится в основном к тому, чтобы знакомить обучающихся с каждой языковой формой лишь в конкретном контексте и в конкретной ситуации. Так, напр., знакомят со словом лишь путем ряда разных контекстов, где фшурирует то же слово. Благодаря этому момент узнания тождественного слова с самого начала диалектически сочетается и поглощается моментами его контекстуальной изменчивости, разности и новизны. Между тем, слово, выделенное из контекста, записанное в тетрадку и выученное соответственно с русским значением, так сказать, сигнализуется, становится единично-вещным и косным, а в процессе его понимания слишком сильным становится момент узнания. Коротко говоря, при правильной здоровой методике практического обучения, форма должна усваиваться не в абстрактной системе языка как себестожденная форма, а в конкретной структуре высказывания как изменчивый и гибкий знак.

— не как слово словаря, а как слово разнообразнейших высказываний языкового сочлена А, сочлена В, сочлена С и т.д., и как слово многообразнейших собственных высказываний. Нужна особая, специфическая установка, чтобы прийти отсюда к себестождественному слову лексикологической системы данного языка, — к слову словаря. Поэтому-то член языкового коллектива нормально никогда не чувствует гнета непререкаемых для него языковых норм. Свое нормативное значение форма языка осуществляет лишь в редчайшие моменты конфликта, нехарактерные для речевой жизни (для современного человека — почти исключительно в связи с письменной речью).

К этому нужно прибавить еще одно, в высшей степени существенное соображение. Речевое сознание говорящих, в сущности, с формой языка как такой и с языком как таким вообще не имеет дела.

В самом деле, языковая форма, данная говорящему, как мы только что показали, лишь в контексте определенных высказываний, дана, следовательно, лишь в определенном идеологическом контексте. Мы³⁵ в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т.д. Слово *всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением*. Как такое мы его понимаем и лишь на такое, задевающее нас идеологически или жизненно, слово мы отвечаем.

Критерий правильности применяется нами к высказыванию лишь в ненормальных или специальных случаях (например, при обучении языку). Нормально, критерий языковой правильности поглощен чисто идеологическим критерием: правильность высказывания поглощается истинностью данного высказывания или его ложностью, его поэтичностью или пошлостью и т.п.³⁵

Язык в процессе его практического осуществления неотделим от своего идеологического или жизненного наполнения. И здесь нужна совершенно особая, не обусловленная целями говорящего сознания, установка, чтобы абстрактно отделить язык от его идеологического или жизненного наполнения.

Если мы это абстрактное отделение возведем в принцип, если мы субстанциализуем отрешенную от идеологического наполнения языковую форму, как это делают некоторые представители второго направления, то мы снова придем к сигналу, а не к знаку языка-речи.

Разрыв между языком и его идеологическим наполнением — одна из глубочайших ошибок абстрактного объективизма.

Итак, язык как система нормативно тождественных форм вовсе не является действительным модусом бытия языка для сознаний говорящих на

³⁵ На этом основании, как мы увидим дальше, нельзя согласиться с Фосслером в признании существования особого и определенного языкового вкуса, который не сливался бы каждый раз со специфическим идеологическим «вкусом» — художественным, познавательным, этическим и иным.

нем индивидов. С точки зрения говорящего сознания и его живой практики социального общения нет прямого пути к системе языка абстрактного объективизма.

**КАКАЯ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
АЕЖИТВОСНОВЕЛИНГВИС-
ТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ?**

Чем же в таком случае является эта ^{т.м.} система?

С самого начала ясно, что система эта получена путем абстракции, что она складывается из элементов, абстрактно выделенных из реальных единиц речевого потока — высказываний. Всякая абстракция, чтобы быть правомерной, должна быть оправдана какой-нибудь определенной, теоретической и практической целью. Абстракция может быть продуктивной и непродуктивной, может быть продуктивной для одних целей и заданий и непродуктивной — для других.

Какие же цели лежат в основе лингвистической абстракции, приводящей к синхронической системе языка? С какой точки зрения эта система является продуктивной и нужной?

В основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно тождественных форм, лежит *практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках.*

Нужно со всею настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила все лингвистическое мышление европейского мира. Над трупами письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, основные подходы и навыки этого мышления.

Филологизм является неизбежно чертою всей европейской лингвистики, обусловленной историческими судьбами ее рождения и развития. Как бы далеко в глубь времен мы ни уходили, прослеживая историю лингвистических категорий и методов, мы всюду встречаем филологов. Филологами были не только александрийцы, филологами были и римляне и греки (Аристотель — типичный филолог); филологами были индусы.

Мы можем прямо сказать: *лингвистика появляется там и тогда, где и когда появились филологические потребности.* Филологическая потребность родила лингвистику, качала ее колыбель и оставила свою филологическую свирель в ее пеленах. Пробуждать мертвых должна эта свирель. Но для овладения живой речью в ее непрерывном становлении у нее не хватает звуков.

Совершенно справедливо на эту филологическую сущность индоевропейского лингвистического мышления указывает академик Н.Я.Март:

«Индоевропейская лингвистика, располагая объектом исследования уже сложившимся и давно оформившимся, именно, индоевропейскими языками исторических эпох, исходя при этом почти исключительно от оконечных форм письменных языков, притом в первую очередь мертвых

языков, естественно не могла сама выявить процесс возникновения вообще речи и происхождения ее видов»³⁶.

Или в другом месте:

«Наибольшее препятствие (для изучения первобытной речи — *V.V.*) чинит не трудность самих изысканий или недостаток в наглядных данных, а наше научное мышление, скованное традиционным филологическим или культурно-историческим мировоззрением, не воспитанное на этнолого-лингвистическом восприятии живой речи, ее безбрежно-свободных творческих переливов»³⁷.

Слова академика Н.Я.Марра справедливы, конечно, не только по отношению к индоевропеистике, задающей тон всей современной лингвистике, но и относительно всей лингвистики, какую мы знаем в истории. Лингвистика, как мы сказали, всюду дитя филологии.

Руководимая филологической потребностью, лингвистика всегда исходила из законченного монологического высказывания — древнего памятника — как из последней реальности. В работе над таким мертвым монологическим высказыванием или, вернее, рядом таких высказываний, объединенных для нее только общностью языка, — лингвистика вырабатывала свои методы и категории.

Но ведь монологическое высказывание является уже абстракцией, правда, так сказать, естественной абстракцией. Всякое монологическое высказывание, в том числе и письменный памятник, является неотрывным элементом речевого общения. Всякое высказывание, и законченное письменное, на что-то отвечает и установлено на какой-то ответ. Оно — лишь звено в единой цепи речевых выступлений. Всякий памятник продолжает труд предшественников, полемизирует с ними, ждет активного, отвечающего понимания, превосходит его и т.п. Всякий памятник есть реально неотделимая часть или науки, или литературы, или политической жизни. Памятник как всякое монологическое высказывание установлен на то, что его будут воспринимать в контексте текущей научной жизни или текущей литературной действительности, — т.е. в становлении той идеологической сферы, неотрывным элементом которой он является.

Филолог-лингвист вырывает его из этой реальной сферы, воспринимает так, как если бы он был самодовлеющим, изолированным целым, и противопоставляет ему не активное идеологическое понимание, а совершенно пассивное понимание, в котором не дремлет ответ, как во всяком истинном понимании. Этот изолированный памятник как документ языка филолог соотносит с другими памятниками в общей плоскости данного языка.

В процессе такого сопоставления и взаимоосвещения в плоскости языка изолированных монологических высказываний и слагались методы и категории лингвистического мышления.

³⁶ Н.Я.Марр. «По этапам яфетической теории», 1926 г., стр. 269.

³⁷ *Op. cit.*, стр. 94-95.

Мертвый язык, изучаемый лингвистом, конечно, — чужой для него язык. Поэтому система лингвистических категорий менее всего является продуктом познавательной рефлексии языкового сознания говорящего на данном языке. Это не рефлексия над ощущением родного языка, нет, это рефлексия сознания, пробивающегося, прокладывающего себе дороги в неизведанный мир чужого языка.

Неизбежно пассивное понимание филолога-лингвиста проецируется и в самый, изучаемый с точки зрения языка, памятник, как если бы этот последний был сам установлен на такое понимание, как если бы он и писался для филолога.

Результатом этого является в корне ложная теория понимания, лежащая не только в основе методов лингвистической интерпретации текста, но и в основе всей европейской семасиологии. Все учение о значении и теме слова насквозь пронизано ложной идеей пассивного понимания, понимания слова, активный ответ на которое заранее и принципиально исключен.

Мы увидим далее, что такое понимание с заранее исключенным ответом в сущности вовсе не является пониманием языка-речи. Это последнее понимание неотделимо сливается с занятием активной позиции по отношению к сказанному и понимаемому. Для пассивного понимания характерно как раз отчетливое ощущение момента тождества языкового знака, т.е. вещно-сигнальное восприятие его и в соответствии с этим — преобладание момента узнания.

Итак, мертвый-письменный-чужой язык — вот действительное определение языка лингвистического мышления.

Изолированное-законченное-монологическое высказывание, отрешенное от своего речевого и реального контекста, противостоящее не возможному активному ответу, а пассивному пониманию филолога, — вот последняя данность и исходный пункт лингвистического мышления.

ПРОБЛЕМА чужого,
иноязычного СЛОВА

1. Рожденное в процессе исследовательского овладения мертвым чужим языком

ком лингвистическое мышление служило

еще и иной, уже не исследовательской, а преподавательской цели: не разгадывать язык, а научать разгаданному языку. Памятники из эвристических документов превращаются в школьный, классический образец языка.

Это вторая основная задача лингвистики — создать аппарат, необходимый для научения разгаданному языку, так сказать, кодифицировать его в направлении к целям школьной передачи — наложила свой существенный отпечаток на лингвистическое мышление. Фонетика, грамматика, словарь — эти три раздела системы языка, три организующих центра лингвистических категорий — сложились в русле указанных двух задач лингвистики — эвристической, и педагогической.

Кто такой филолог?

Как ни глубоко различны культурно-исторические облики лингвистов,

от индусских жрецов до современного европейского ученого языковеда, филолог всегда и всюду — разгадчик чужих «тайных» письмен и слов и учитель, передатчик разгаданного или полученного по традиции.

Первыми филологами и первыми лингвистами всегда и всюду были *жрецы*. История не знает ни одного исторического народа, священное писание которого или предание не было бы в той или иной степени иноязычным и непонятным профану. Разгадывать тайну священных слов и было задачей жрецов-филологов.

На этой почве родилась и древнейшая философия языка: ведийское учение о слове, учение о Логосе древнейших греческих мыслителей и библейская философия слова.

Для того чтобы понять эти философемы, нельзя ни на один миг забывать, что это — *философемы чужого слова*. Если бы какой-нибудь народ знал только свой родной язык, если бы слово для него совпадало с родным словом его жизни, если бы в его кругозор не входило загадочное чужое слово, слово чужого языка, то такой народ никогда не создал бы подобных философем³⁸. Поразительная черта: от глубочайшей древности и до сегодняшнего дня философия слова и лингвистическое мышление зиждутся на специфическом ощущении чужого, иноязычного слова и на тех задачах, которые ставит именно чужое слово сознанию — разгадать и научить разгаданному.

Ведийский жрец и современный филолог-лингвист зачарованы и поработаны в своем мышлении об языке одним и тем же явлением — явлением чужого иноязычного слова.

Свое слово совсем иначе ощущается, точнее, оно обычно вовсе не ощущается как слово, чреватое всеми теми категориями, какие оно порождает в лингвистическом мышлении и какие оно порождало в философско-религиозном мышлении древних. Родное слово — «свой брат», оно ощущается как своя привычная одежда или, еще лучше, как та привычная атмосфера, в которой мы живем и дышим. В нем нет тайн; тайной оно могло бы стать в чужих устах, притом иерархически-чужих, в устах вождя, в устах жреца, но там оно становится уже другим словом, изменяется внешне или изымается из жизненных отношений (табу для житейского обихода или архаизация речи), если только оно уже с самого начала не было в устах вождя-завоевателя иноязычным словом. Только здесь рождается «Слово», только здесь — *incipit philosophia, incipit philologia*.

Ориентация лингвистики и философии языка на чужое иноязычное слово отнюдь не является случайностью или произволом со стороны лингвистики и философии. Нет, эта ориентация является выражением

---

³⁸ Согласно ведийской религии священное слово — в том употреблении, какое дает ей «знающий», посвященный, жрец — становится господином всего бытия, и богов и людей. Жрец-«знающий» определяется здесь как повелевающий словом, — в этом все его могущество. Учение об этом содержится уже в Риг-Веде. Древнегреческая философема Логоса и alexandрийское учение о Логосе — общеизвестны.

той огромной исторической роли, которую чужое слово сыграло в процессе созидания всех исторических культур. Эта роль принадлежала чужому слову во всех без исключения сферах идеологического творчества — от социально-политического строя до житейского этикета. Ведь именно чужое иноязычное слово приносило свет, культуру, религию, политическую организацию (шумеры — и вавилонские семиты; яфетиды — эллины; Рим, христианство — и варварские народы; Византия, «варяги», южно-славянские племена — и восточные славяне и т.п.). Эта грандиозная организующая роль чужого слова, приходившего всегда с чужой силой и организацией или преднаходимого юным народом-завоевателем на занятой им почве старой и могучей культуры, как бы из могил порабошавшей идеологическое сознание народа-пришельца, — привела к тому, что чужое слово в глубинах исторического сознания народов срослось с идеей власти, идеей силы, идеей святости, идеей истины и заставило мысль о слове преимущественно ориентироваться именно на чужое слово.

Однако, философия языка и лингвистика и до настоящего времени вовсе не является объективным осознанием огромной исторической роли иноязычного слова. Нет, лингвистика до сих пор порабошена им; она является как бы последней докатившейся до нас волной когда-то животворного потока чужой речи, последним пережитком его диктаторской и культуротворческой роли.

Поэтому-то лингвистика, будучи сама продуктом иноязычного слова, очень далека от правильного понимания роли иноязычного слова в истории языка и языкового сознания. Наоборот, индогерманистика выработала такие категории понимания истории языка, которые совершенно исключают правильную оценку роли чужого слова. Между тем, роль эта, по-видимому, огромна.

Идея языкового скрещения как основного фактора эволюции языков со всею отчетливостью была выдвинута ак. Н.Я.Марром. Фактор языкового скрещения был признан им как основной и для разрешения проблемы происхождения языка.

«Скрещение вообще, — говорит Н.Я.Марр, — как фактор возникновения различных языковых видов и даже типов, скрещение — источник формации новых видов, наблюдается и прослеживается во всех яфетических языках, и это одно из важнейших достижений яфетического языкознания. . . . Дело в том, что звукового языка-примитива, одноплеменного языка, не существует и, как увидим, не существовало, не могло существовать. Язык — создание общественности, возникшей на вызванном хозяйственно-экономическими потребностями взаимобщения племен, является отложением именно этой, всегда многоплеменной общественности...»³⁹.

В статье «О происхождении языка» ак. Н.Я.Марр говорит по нашему вопросу следующее:

³⁹ Н.Я.Марр. «По этапам яфетической теории», стр. 268.

«...Словом, подход к тому или иному языку так называемой национальной культуры как массовой родной речи всего населения ненаучен и ирреален, национальный язык всесловный, внеклассовый пока есть фикция. Этого мало. Как сословия на первых порах развития выходят из племен, — собственно племенных, также отнюдь не простых образований, — путем скрещения, так и конкретные племенные языки, тем более национальные языки, представляют скрещенные типы языков, скрещенные из простых элементов, тем или иным соединением которых и образован любой язык. Палеонтологический анализ человеческой речи далее определения этих племенных элементов не идет, но к ним решительно и определенно приводит яфетическая теория, так что вопрос о происхождении языка сводится к вопросу о возникновении этих элементов, представляющих собою не что иное, как племенные названия»⁴⁰.

Здесь мы только намечаем значение чужого слова для проблемы происхождения языка и его эволюции. Сами эти проблемы выходят за пределы нашей работы. Чужое слово нам важно как фактор, определивший философско-лингвистическое мышление о слове и все категории и подходы этого мышления.

Мы отвлекаемся здесь как от особенностей первобытного мышления чужого слова⁴¹, так и от категорий древнейших философов слова, о которых мы упоминали выше. Мы постараемся наметить здесь лишь те особенности мышления о слове, которые отстоялись на протяжении веков и определяют собою современное лингвистическое мышление. Мы убедимся, что именно эти категории и нашли свое наиболее яркое и четкое выражение в учении абстрактного объективизма.

ОШИБКИ АБСТРАКТНОГО ОБЪЕКТИВИЗМА

Особенности восприятия чужого слова, как они легли в основу абстрактного объективизма, мы постараемся вкратце выразить в следующих положениях. Этим мы резюмируем предшествующее изложение и дополним его в ряде существенных пунктов⁴²,

1) *Устойчивый себетожественный момент языковых форм превалирует над их изменчивостью.*

2) *Абстрактное превалирует над конкретным.*

3) *Абстрактная систематичность — над историчностью.*

4) *Формы элементов — над формами целого.*

⁴⁰ Там же, стр. 315-316.

⁴¹ Так, первобытное магическое восприятие слова в значительной степени определяется чужим словом. Мы имеем в виду при этом всю совокупность относящихся сюда явлений.

⁴² При этом не нужно забывать, что абстрактный объективизм в его новой формации является выражением того состояния чужого слова, когда оно уже в значительной степени утратило свою авторитетность и продуктивную силу. Кроме того, специфичность восприятия чужого слова ослаблена в абстрактном объективизме тем, что основные категории его мышления были распространены и на восприятие живых и родных языков. Ведь лингвистика изучает живой язык так, как если бы он был мертвым, и родной — так, как если бы он был чужим. Вследствие этого построения абстрактного объективизма столь отличны от древних философов чужого слова.

5) *Субстанцииализация изолированного языкового элемента вместо динамики речи.*

6) *Однозначность и однозначность слова вместо его живой многозначности и многоакцентности.*

7) *Представление об языке как о готовой вещи, передаваемой от одного поколения к другому.*

8) *Неумение понять становление языка изнутри.*

Остановимся вкратце на каждой из этих особенностей мышления чужого слова.

I. Первая особенность не нуждается в пояснении. Мы уже показали, что понимание своего языка направлено не на знание тождественных элементов речи, а на понимание их нового контекстуального значения. Построение же системы себестождественных форм является необходимым и важным этапом в процессе расшифровывания и в процессе передачи чужого слова.

II. И второй пункт понятен на основании уже сказанного нами. Законченное монологическое высказывание является в сущности абстракцией. Конкретизация слова возможна лишь путем включения этого слова в реальный исторический контекст его первоначального осуществления. В изолированном монологическом высказывании оборваны как раз все те нити, которые связывали его со всею конкретностью исторического становления.

III. Формализм и систематичность являются типической чертой всякого мышления, направленного на готовый, так сказать, остановившийся объект.

Эта особенность мышления имеет многообразные проявления. Характерно, что систематизируется обычно (если не исключительно) чужая мысль. Творцы — зачинатели новых идеологических течений — никогда не бывают формалистическими систематизаторами их. Систематизировать начинает та эпоха, которая чувствует себя в обладании готовой и полученной авторитетной мыслью. Нужно, чтобы прошла творческая эпоха, только тогда начинается формалистическое систематизаторство — дело наследников и эпигонов, чувствующих себя в обладании чужим и отзвучавшим словом. Ориентация в становящемся потоке никогда не может быть формально систематизирующей. Поэтому-то всю свою полноту и силу формально-систематизирующее грамматическое мышление могло развить лишь на материале чужого мертвого языка, и притом лишь там, где этот язык до известной степени утратил свое обаяние, свой священный авторитетный характер. По отношению к живому языку формально систематическое грамматическое мышление неизбежно должно было занять консервативно-академическую позицию, т.е. трактовать живой язык так, как если бы он был завершен, готов, и, следовательно, враждебно относиться ко всякого рода языковым новшествам. Формально же систематическое мышление об языке несовместимо с живым историческим пониманием его. С точки зрения системы история всегда представляется лишь рядом случайных нарушений.

IV. Лингвистика, как мы видели, ориентируется на изолированное монологическое высказывание. Изучаются языковые памятники, которым противостоит пассивно понимающее сознание филолога. Вся работа протекает, таким образом, внутри границ данного высказывания. Границы же высказывания как целого ощущаются слабо или даже вовсе не ощущаются. Вся исследовательская работа уходит в изучение связей, имманентных внутренней территории высказывания. Все же проблемы, так сказать, внешней политики высказывания остаются вне рассмотрения, следовательно, все те связи, которые выходят за пределы данного высказывания как монологического целого. Вполне понятно, что самое целое высказывания и формы этого целого остаются за бортом лингвистического мышления. И действительно, лингвистическое мышление дальше элементов монологического высказывания не идет. Построение сложного предложения (периода) — вот максимум лингвистического охвата. Построение же целого высказывания лингвистика представляет ведению других дисциплин — риторике и поэтике. У лингвистики нет подхода к формам композиции целого. Поэтому-то между лингвистическими формами элементов высказывания и формами его целого нет непрерывного перехода и вообще нет никакой связи. Из синтаксиса мы только путем скачка попадаем в вопросы композиции. Это совершенно неизбежно, ибо формы целого высказывания можно ощутить и понять лишь на фоне других целых высказываний в единстве данной идеологической сферы. Так, формы художественного высказывания — произведения — можно понять лишь в единстве литературной жизни, в неразрывной связи с другими литературными же формами. Относя произведение к единству языка как системы, рассматривая его как языковой документ, мы утрачиваем подход к его формам как формам литературного целого. Между отнесением произведения к системе языка и отнесением его к конкретному единству литературной жизни — господствует полный разрыв, преодолеть который на почве абстрактного объективизма — невозможно.

V. Языковая форма является лишь абстрактно выделенным моментом динамического целого речевого выступления — высказывания. В кругу определенных лингвистических заданий такая абстракция является, конечно, совершенно правомерной. Однако, на почве абстрактного объективизма языковая форма субстанциализуется, становится как бы реально вы делимым элементом, способным на собственное изолированное историческое существование. Это вполне понятно: ведь система как целое не может исторически развиваться. Высказывание как целое не существует для лингвистики. Следовательно, остаются лишь элементы системы, т.е. отдельные языковые формы. Они-то и могут претерпевать историю.

История языка, таким образом, оказывается историей отдельных языковых форм (фонетических, морфологических и иных), развивающихся вопреки системе как целого и помимо конкретных высказываний⁴³.

---

⁴³ Высказывание является лишь безразличной средой изменения языковой формы.

Совершенно справедливо об истории языка, как ее понимает абстрактный объективизм, говорит Фосслер: «История языка, какую дает нам историческая грамматика, есть, грубо говоря, то же самое, что история одежды, не исходящая из понятия моды или вкуса времени, а дающая хронологически и географически упорядоченный список пуговиц, булавок, чулок, шляп и лент. В исторической грамматике эти пуговицы и ленты называются, например, ослабленным или полным *t*, глухим *e*, звонким *d* и т.д.»⁴⁴

VI. Смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова, — столько его значений⁴⁵. При этом, однако, слово не перестает быть единым, оно, так сказать, не распадается на столько слов, сколько контекстов его употребления. Это единство слова обеспечивается, конечно, не только единством его фонетического состава, но и моментом единства, присущего всем его значениям. Как примирить принципиальную многозначность слова с его единством? — так можно, грубо и элементарно, формулировать основную проблему значения. Эта проблема может быть разрешена только диалектически. Как же поступает абстрактный объективизм? Момент единства слова для него как бы отвердевает и отрывается от принципиальной множественности его значений. Эта множественность воспринимается как окказиональные обертоны единого твердого и устойчивого значения. Направление лингвистического внимания прямо противоположно направлению живого понимания говорящих, причастных данному речевому потоку. Филолог-лингвист, сопоставляя контексты данного слова, делает установку на момент тождества употребления, ибо ему важно изъять данное слово как из того, так и из другого сопоставляемого контекста и дать ему определенность вне контекста, т.е. создать из него словарное слово. Этот процесс изолирования слога и стабилизации значения слова вне контекста — усиливается еще сопоставлением языков, т.е. подысканием параллельного слова в другом языке. Значение в процессе лингвистической работы строится как бы на границе по крайней мере двух языков. Эта работа лингвиста осложняется еще тем, что он создает фикцию единого и реального предмета, соответствующего данному слову. Этот предмет един, тождественен себе, он и обеспечивает единство значения. Эта фикция буквальных реалий слова еще более содействует субстанциализации его значения. Диалектическое соединение единства значения с его множественностью становится на этой почве невозможным.

Глубочайшею ошибкою абстрактного объективизма является еще следующее: различные контексты употребления какого-нибудь одного слова мыслятся им как бы расположенными в одной плоскости. Контексты как бы образуют ряд замкнутых самодовлеющих высказываний, идущих в одном направлении. На самом же деле это далеко не так: контексты

⁴⁴ См. указанную статью Фосслера: «Грамматика и история языка», стр. 170.

⁴⁵ Мы отвлекаемся пока от различия значения и темы, о чем речь будет ниже (глава IV).

употребления одного и того же слова часто противостоят друг другу. Классическим случаем такого противостояния контекстов одного и того же слова являются реплики диалога. Здесь одно и то же слово фигурирует в двух «заимно сталкивающихся контекстах. Конечно, реплики диалога являются лишь наиболее ярким и наглядным случаем разнонаправленных контекстов. На самом же деле, всякое реальное высказывание в той или иной степени, в той или иной форме с чем-то соглашается или что-то отрицает. Контексты не стоят рядом друг с другом, как бы не замечая друг друга, но находятся в состоянии напряженного и непрерывного взаимодействия и борьбы. Это изменение ценностного акцента слова в разных контекстах совершенно не учитывается лингвистикой и не находит себе никакого отражения в учении о единстве значения. Этот акцент менее всего поддается субстанциализации, между тем именно многоакцентность слова и делает его живым. Проблема многоакцентности должна быть тесно связана с проблемой множественности значений. Только при условии этой связи обе проблемы могут быть разрешены. Но как раз эта связь совершенно неосуществима на почве абстрактного объективизма с его основоположениями. Ценностный акцент выбрасывается за борт лингвистики вместе с единичным высказыванием (*parole*)⁴⁶.

VII. Согласно учению абстрактного объективизма, язык как готовое произведение передается от одного поколения к другому. Конечно, передачу по наследству языка, как вещи, предстатели второго направления понимают метафорически, но тем не менее в их руках такое уподобление является не только метафорой. Субстанциализуя систему языка и воспринимая живой язык как мертвый, и чужой, абстрактный объективизм делает его чем-то внешним по отношению к потоку речевого общения. Поток этот движется вперед, а язык, как мяч, перебрасывается из поколения в поколение. Между тем язык движется вместе с потоком и неотделим от него. Он, собственно, не передается, он длится, но длится как непрерывный процесс становления. Индивиды вовсе не получают готового языка, они вступают в этот поток речевого общения, вернее, их сознание только в этом потоке и осуществляется впервые. Лишь в процессе научения чужому языку готовое сознание — готовое, благодаря родному языку, — противостоит готовому же языку, который ему и остается только принять. Родной язык не принимается людьми, — в нем они впервые пробуждаются⁴⁷.

VIII. Абстрактный объективизм, как мы видели, не умеет связать существование языка в абстрактном синхроническом разрезе с его становлением. Как система нормативно тождественных форм, язык существует для говорящего сознания; как процесс становления — лишь для истори-

⁴⁶ Дальнейшее развитие высказанных здесь положений мы дадим в IV главе настоящей части.

⁴⁷ Процесс усвоения родного языка ребенком есть процесс постепенного вхождения ребенка в речевое общение. По мере этого вхождения формируется и наполняется содержанием его сознание.

ка. Этим исключается возможность активного приобщения самого говорящего сознания к процессу исторического становления. Дialeктическое сочетание необходимости со свободой и, так сказать, с языковой ответственностью — на этой почве, конечно, совершенно невозможно. Здесь господствует чисто механистическое понимание языковой необходимости. Не подлежит, конечно, сомнению, что и эта черта абстрактного объективизма связана с его бессознательной установкой на мертвый и чужой язык.

ИТОГИ

— Остается подвести итоги нашему критическому анализу абстрактного объективизма. Проблема, поставленная нами в начале первой главы — проблема реальной данности языковых явлений как специфического и единого объекта *изучения*, им разрешена неправильно. Язык как система нормативно тождественных форм является абстракцией, могущей быть теоретически и практически оправданной лишь с точки зрения расшифровывания чужого мертвого языка и научения ему. Основой для понимания и объяснения языковых фактов в их жизни и становлении — эта система быть не может. Наоборот, она уводит нас прочь от живой становящейся реальности языка и его социальных функций, хотя сторонники абстрактного объективизма и претендуют на социологическое значение их точки зрения. В теоретическую основу абстрактного объективизма легли предпосылки рационалистического и механистического мировоззрения, менее всего способные обосновать правильное понимание истории, а ведь язык — чисто исторический феномен.

Следует ли отсюда, что верными являются основоположения первого направления — индивидуалистического субъективизма? Может быть именно ему удалось нащупать действительную реальность языка-речи? Или, может быть, истина лежит посередине, являясь компромиссом между первым и вторым направлением, между тезисами индивидуалистического субъективизма и антитезисами абстрактного объективизма?

Мы полагаем, что здесь, как и везде, истина находится не на золотой середине и не является компромиссом между тезисом и антитезисом, а лежит за ними, дальше их, являясь одинаковым отрицанием как тезиса, так и антитезиса, т.е. являясь *дialeктическим синтезом*. Тезисы первого направления, как мы увидим в следующей главе, также не выдерживают критики.

Здесь мы обратим еще внимание на следующее. Абстрактный объективизм, считая единственно существенной для языковых явлений систему языка, отвергал речевой акт — высказывание — как индивидуальный. В этом, как мы сказали однажды, *proton pseudos* абстрактного объективизма. Индивидуалистический субъективизм считает единственно существенным именно речевой акт — высказывание. Но и он определяет этот акт как индивидуальный и потому пытается объяснить его из условий индивидуально-психической жизни говорящей особи. В этом и его *proton pseudos*.

На самом деле речевой акт или, точнее, его продукт — высказывание, отнюдь не может быть признано индивидуальным явлением в точном смысле этого слова и не может быть объяснено из индивидуально-психологических или психо-физиологических условий говорящей особи. *Высказывание — социально.*

Этот тезис нам предстоит обосновать в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

ТЕОРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТИВИЗМА.

КРИТИКА ТЕОРИИ ВЫРАЖЕНИЯ. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПЕРЕЖИВАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ. ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ. ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ОСНОВА РЕЧЕВОГО СТАНОВЛЕНИЯ. ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОЙ ДАННОСТИ ЯЗЫКА. ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ЦЕЛОЕ И ЕГО ФОРМЫ.

ТЕОРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТИВИЗМА

Второе направление философско-лингвистической мысли, как мы видели, связано с рационализмом и неоклассицизмом. Первое направление — индивидуалистический субъективизм — связано с *романтизмом*. Романтизм в значительной степени был реакцией на чужое слово и на обусловленные им категории мышления. Ближайшим образом романтизм был реакцией на последний рецидив культурной власти чужого слова — на эпоху Возрождения и неоклассицизм. Романтики были первыми филологами родного языка, первыми, пытавшимися радикально перестроить лингвистическое мышление на основе переживаний родного языка как *medium'a* становления сознания и мысли. Правда, романтики все же оставались филологами в точном смысле этого слова. Перестроить мышление языка, сложившееся и отстоявшееся на протяжении столетий, было, конечно, не в их силах. Но все же новые категории были внесены в это мышление, они-то и создали специфические особенности первого направления. Характерно, что и до настоящего времени представители индивидуалистического субъективизма — специалисты по новым языкам, главным образом, романисты (Vossler, Leo Spitzer, Lorck и другие).

Однако и для индивидуалистического субъективизма монологическое высказывание было последнею реальностью, исходным пунктом их мышления о языке. Правда, они подходили к нему не с точки зрения пассивно понимающего филолога, а как бы изнутри, с точки зрения самого говорящего, выражающего себя.

Чем же является монологическое высказывание с точки зрения индивидуалистического субъективизма? — Мы видели, что оно является чистым индивидуальным актом, выражением индивидуального сознания, его

намерений, интенций, творческих импульсов, вкусов и т.п. Категория выражения — это та высшая и общая категория, под которую подводится языковой акт — высказывание.

Но что же такое выражение? ..

Наиболее простое и грубое определение его таково: нечто, так или иначе сложившееся и определившееся в психике индивида, объективируется во-вне для других с помощью каких-либо внешних знаков.

В выражении, таким образом, два члена: *выражаемое* (внутреннее) и его *внешняя объективация* для других (или, может быть, и для себя самого). Теория выражения, какие бы тонкие и сложные формы она ни принимала, неизбежно предполагает эти два члена: все событие выражения разыгрывается между ними. Следовательно, всякая теория выражения неизбежно предполагает, что выражаемое может как-то сложиться и существовать помимо выражения, что оно существует в одной форме и затем переходит в другую форму. Ведь если бы это было не так, если бы выражаемое с самого начала существовало в форме выражения и между ними был количественный переход (в смысле уяснения, дифференциации и т.п.), то вся теория выражения пала бы. Теория выражения неизбежно предполагает некоторый дуализм между внутренним и внешним и известный примат внутреннего, ибо всякий акт объективации (выражения) идет изнутри во-вне. Источники его — внутри. Недаром теория индивидуалистического субъективизма и все вообще теории выражения произрастали только на идеалистической и спиритуалистической почве. Все существенное внутри, — а внешнее может стать существенным, лишь став сосудом внутреннего, выражением духа.

Правда, внутреннее, становясь внешним, выражая себя во-вне, видоизменяется. Ведь оно принуждено овладеть внешним материалом, обладающим своей законностью, чуждой внутреннему. В процессе этого овладения материалом, преодоления его, превращения его в *послушный* *medium* выражения, — само переживаемое и выражаемое видоизменяется и принуждено идти на известный компромисс. Поэтому-то на почве идеализма, на которой сложились все теории выражения, могло иметь место и радикальное отрицание выражения как искажения чистоты *внутреннего*⁴⁸. Во всяком случае, все творческие и организующие выражение силы — внутри. Все внешнее — лишь пассивный материал внутреннего оформления. В основном выражение строится внутри и лишь переходит во-вне. Отсюда следует, что и понимание, толкование и объяснение идеологического явления должно быть направлено во-внутрь, оно должно идти по сравнению с выражением в обратном направлении: исходя из внешней объективации, объяснение должно проникнуть к его внутренним организующим корням. Так понимает выражение индивидуалистический субъективизм.

⁴⁸ «Мысль изреченная есть ложь» (Тютчев); «О, если без слова сказаться душой было можно» (Шег). Эти заявления чрезвычайно типичны для идеалистической романтики.

КРИТИКА ТЕОРИИ ВЫРАЖЕНИЯ,
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

ПЕРЕЖИВАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ

Теория выражения, лежащая в основе
первого направления ф^ло^лфско-ЛИНГВЖ^л
теической мысли > в корне неверна

Переживание — выражаемое и его

внешняя объективация — созданы, как мы знаем, из одного и того же материала. Ведь нет переживания вне знакового воплощения. С самого начала, следовательно, не может быть и речи о принципиальном качественном отличии внутреннего и внешнего. Но более того, организующий и формирующий центр находится не внутри (т.е. не в материале внутренних знаков), а во-вне. Не переживание организует выражение, а наоборот, выражение организует переживание, впервые дает ему форму и определенность направления.

В самом деле, какой бы момент выражения-высказывания мы ни взяли, он определяется реальными условиями данного высказывания, прежде всего *ближайшей социальной ситуацией*.

Ведь высказывание строится между двумя социальными организующими людьми, и если реального собеседника нет, то он предполагается в лице, так сказать, нормального представителя той социальной группы, к которой принадлежит говорящий. Слово *ориентировано на собеседника*, ориентировано на то, *кто* этот собеседник: человек той же социальной группы или нет, выше или ниже стоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо более тесными социальными узами (отец, брат, муж и т.п.). Абстрактного собеседника, так сказать, человека в себе, не может быть; с ним действительно у нас не было бы общего языка ни в буквальном, ни в переносном смысле. Если мы и претендуем иногда переживать и высказывать *urbi et orbi*, то на самом деле, конечно, и город и мир мы видим сквозь призму объемлющей нас конкретной социальной среды. В большинстве случаев мы предполагаем при этом некоторый типический и стабилизированный *социальный кругозор*, на который ориентировано идеологическое творчество той социальной группы и того времени, к которым мы принадлежим, так сказать, на современника нашей литературы, нашей науки, нашей морали, нашего права.

Внутренний мир и мышление каждого человека имеет свою стабилизированную *социальную аудиторию*, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и пр. Чем культурнее данный человек, тем более данная аудитория приближается к нормальной аудитории идеологического творчества, но, во всяком случае, за пределы границ определенного класса и определенной эпохи идеальный собеседник выйти не может.

Значение ориентации слова на собеседника — чрезвычайно велико. В сущности *слово является двусторонним актом*. Оно в равной степени определяется как тем, *чье* оно, так и тем, для кого оно. Оно является как слово именно *продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим*. Всякое слово выражает «одного» в отношении к «другому». В

слове я оформляю себя с точки зрения другого, в конечном счете, себя с точки зрения своего коллектива. Слово — мост, перекинутый между мной и другим. Если одним концом он опирается на меня, то другим концом — на собеседника. Слово — общая территория между говорящим и собеседником.

По кем же является говорящий? Ведь если слово и не принадлежит ему всецело, — будучи, так сказать, пограничной зоной между ним и собеседником, — то ведь все же на добрую половину слово принадлежит говорящему.

Здесь имеется один момент, где говорящий является бесспорным собственником слова, которое в этом моменте не может быть от него отчуждено. Это — физиологический акт осуществления слова. Но к этому акту, поскольку он берется как чисто физиологический акт, категория собственности неприменима.

Если же мы возьмем не физиологический акт осуществления звука, а осуществление слова как знака, то вопрос о собственности чрезвычайно осложняется. Не говоря уже о том, что слово как знак заимствуется говорящим из социального запаса наличных знаков, самое индивидуальное оформление этого социального знака в конкретном высказывании — всецело определяется социальными отношениями. Именно та стилистическая индивидуация высказывания, о которой говорят фосслеррианцы, является отражением социальных взаимоотношений, в атмосфере которых строится данное высказывание. *Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют — притом, так сказать, изнутри — структуру высказывания.*

В самом деле, какое бы высказывание мы ни взяли, хотя бы такое, которое не является предметным сообщением (коммуникацией в узком смысле), а словесным выражением какой-нибудь потребности, например голода, мы убедимся, что оно всецело ориентировано социально. Оно прежде всего ближайшим образом определяется участниками события высказывания, и близкими и далекими, в связи с определенной ситуацией: ситуация формирует высказывание, заставляя его звучать так, а не иначе, как требование или как просьбу, как отстаивание своего права или мольбу о милости, в стиле витиеватом или простом, уверенно или робко и пр. и пр.

Эта ближайшая ситуация и ближайшие социальные участники ее определяют окказиональную форму и стиль высказывания. Более глубокие пласты его структуры определяются более длительными и существенными социальными связями, к которым говорящий приобщен.

Если мы возьмем высказывание в процессе его становления еще «в душе», то сущность дела не изменится, ибо структура переживания столь же социальна, как и структура его внешней объективации. Степень осознанности, отчетливости, оформленное™ переживания прямо пропорциональна его социальной ориентированности.

В самом деле, даже простое, смутное осознание какого-нибудь ощущения, хотя бы голода, без выражения его во-вне, не может обойтись без какой-нибудь идеологической формы. Ведь всякое осознание нуждается во внутренней речи, во внутренней интонации и в зачаточном внутреннем стиле: возможно просительное, досадливое, злобное, негодующее осознание своего голода. Здесь мы перечисляем, конечно, только грубые и резкие направления внутренней интонации, на самом же деле возможна весьма тонкая и сложная интонировка переживания. Внешнее выражение, в большинстве случаев, только продолжает и уясняет направленные внутренней речи и заложенные уже в ней интонации.

В каком направлении пойдет интонировка внутреннего ощущения голода — это зависит как от ближайшей ситуации переживания, так и от общего социального положения голодающего. Ведь этими условиями определяется, в каком ценностном контексте, в каком социальном кругозоре будет осознаваться переживание голода. Ближайший социальный контекст определит тех возможных слушателей, союзников или врагов, на которых будет ориентироваться сознание и переживание голода: будет ли это досада на злую природу, на судьбу, на себя самого, на общество, на определенную общественную группу, на определенного человека и пр. Возможны, конечно, различные степени осознанности, отчетливости и дифференцированности этой социальной ориентировки переживания; но вне какой бы то ни было ценностной социальной ориентации нет переживания. Даже плач грудного ребенка «ориентирован» на мать. Возможна призывающая, агитирующая окраска переживания голода: переживание будет строиться в направлении к возможному призыву, агитационному доводу, осознаваться в форме протеста и пр. и пр.

В отношении к потенциальному (а иногда и явно ощущаемому) слушателю можно различать два полюса, два предела, между которыми может осознаваться и идеологически оформляться переживание, стремясь то к одному, то к другому. Назовем эти пределы условно: «*я-переживание*» и «*мы-переживание*».

Собственно «я-переживание» стремится к уничтожению; оно теряет по мере приближения к пределу свою идеологическую оформленность, а следовательно, и осознанность, приближаясь к физиологической реакции животного. Стремясь к этому пределу, переживание утрачивает все потенции, все ростки социальной ориентации, а поэтому теряет и свое словесное обличье. Отдельные переживания и целые группы их *могут приближаться* к этому пределу, утрачивая свою идеологическую ясность и оформленность и свидетельствуя о социальной неукорененности сознания⁴⁹.

«Мы-переживание» вовсе не темное, стадное переживание: оно дифференцировано. Более того, идеологическая дифференциация, рост созна-

⁴⁹ У возможности выпадения из социального контекста группы сексуальных переживаний человека и связанной с этим утраты словесной осознанности см. нашу книгу «Фрейдизм», Гиз, 1927 г., стр. 136-137.

тельности прямо пропорционален твердости и уверенности социальной ориентации. Чем крепче, организованнее и дифференцированнее коллектив, в котором ориентируется индивид, тем ярче и сложнее его внутренний мир.

Возможны различные степени «мы-переживания» и различные типы его идеологического оформления.

Допустим, что голодающий осознает свой голод в разрозненном множестве *случайно* голодающих (неудачник, нищий и пр.). Переживание такого деклассированного одиночки будет специфически окрашено и тяготеет к определенным идеологическим формам, амплитуда которых может быть достаточно широкой: смирение, стыд, завистливость и др. ценностные тона *будут* окрашивать его переживание. Соответствующие идеологические формы, в направлении которых будет развиваться переживание, — индивидуалистический босяцкий протест или покаянное мистическое смирение.

Допустим, что голодающий принадлежит к коллективу, где голод не случаен и носит коллективный характер, но самый коллектив голодающих не связан прочною материальною связью, голодает разрозненно. В таком положении находится, в большинстве случаев, крестьянин. Голод переживается «на миру», но при материальной разрозненности, несвязанности единым хозяйством, каждый терпит в маленьком и замкнутом мирке своего индивидуального хозяйства. У такого коллектива нет единого материального тела для единого действия. При этих условиях будет преобладать смиренное, но без стыда и приниженности, осознание своего голода: «Все терпят, и ты терпи». На этой почве получают развитие философские и религиозные системы непротивленческого и фаталистического типа (раннее христианство, толстовство).

Совершенно иначе переживает голод член объективно-материально собранного и объединенного коллектива (полк солдат; рабочие, собранные в стенах завода; батраки большой капиталистической фермы; наконец, целый класс, когда он созрел до формы «класса для себя»). Здесь в переживании будут преобладать тона активного и уверенного протеста; здесь нет почвы для смиренных и покорных интонаций. Здесь же наиболее благоприятная почва для идеологической ясности и оформленное™ переживания⁵⁰.

Все разобранные нами типы переживаний с их основными интонациями чреватые и соответственными образами и соответственными формами возможных высказываний. Социальная ситуация всюду определяет — какой образ, какая метафора и какая форма высказывания голода может развиваться из данного интонационного направления переживания.

---

⁵⁰ Интересный материал по вопросу о выражении голода можно найти в книгах известного современного лингвиста школы Фосслера — Лео Шпицера: «Italienischen Kriegsgefangenen brief en» и «Die Umschreibungen des Begriffes Hunger». Основная проблема здесь: гибкое приспособление слова и образа к условиям исключительной ситуации. Подлинного социологического подхода автор, однако, не дает.